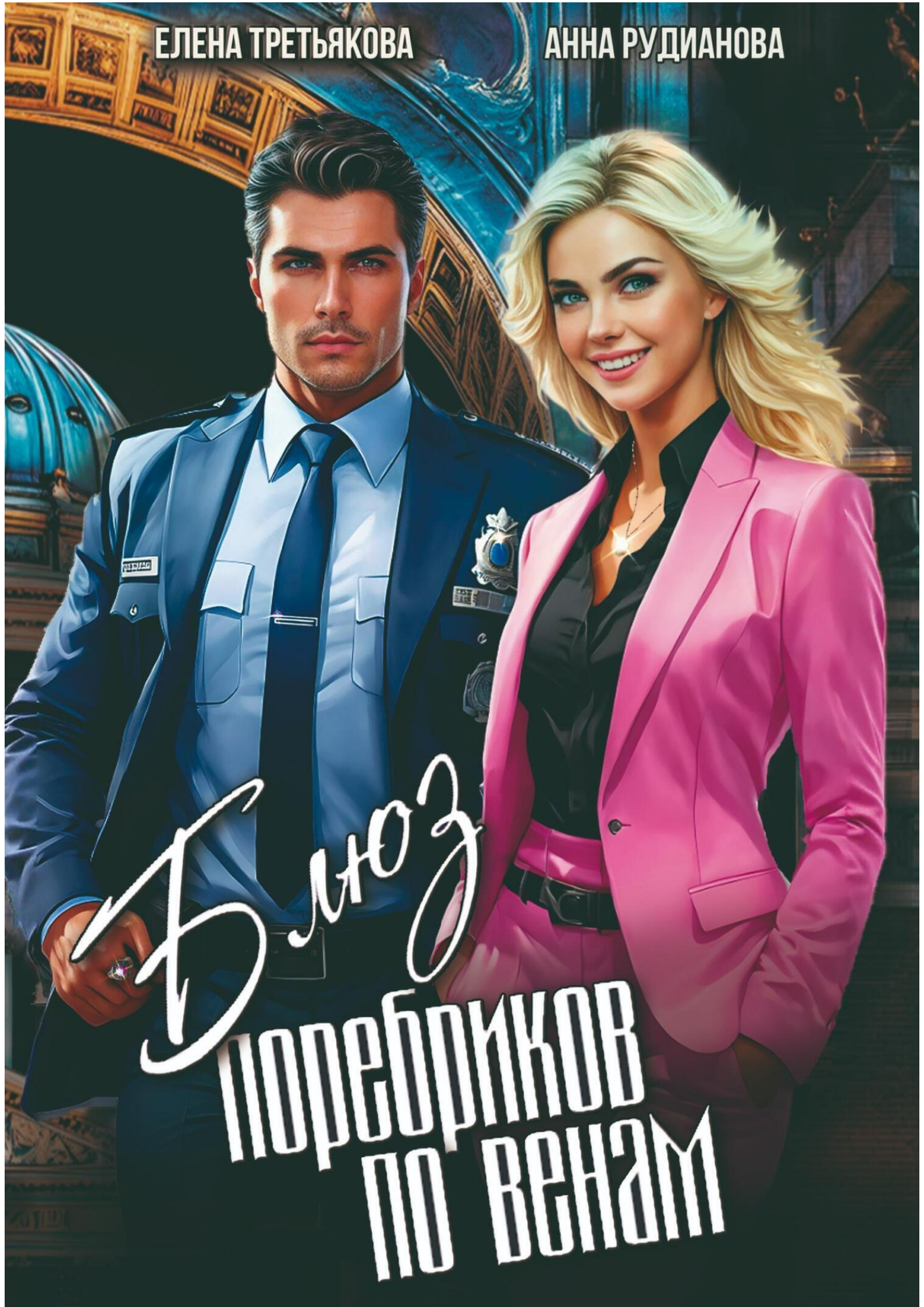

ЕЛЕНА ТРЕТЬЯКОВА

АННА РУДИАНОВА

Блюз
поребриков
по венам

Анна Рудианова

Блюз поребриков по венам

«Автор»

2025

Рудианова А. И.

Блюз поребриков по венам / А. И. Рудианова — «Автор», 2025

Василиса – взрослая, самодостаточная женщина, и ей легче разговаривать с духами и домовыми, чем с простыми людьми. Клим – материалист до пряжки на ремне, и ему привычнее расследовать убийства и кражи. Но в этот раз ему придётся встретиться лицом к лицу с драконами, ангелами и ведьмами, а ей – найти общий язык с мужчиной, который бесит одним своим присутствием. Наверное, это и есть любовь? Этот Город скрывает тысячи историй. Готовы ли вы услышать одну из них? #от ненависти до любви #дракон в городе #фамильяр в образе кота-домового #живой Город #легенды и мифы Санкт-Петербурга Цикл «Мы видим сердцебиение города»

© Рудианова А. И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ГЛАВА 1. Мелодия первого знакомства	6
ГЛАВА 2. Проблемы коммуникации	12
ГЛАВА 3. Песни русалок	19
ГЛАВА 4. В Питере – пить	25
ГЛАВА 5. Поставь потише будильник...	30
ГЛАВА 6. Вчерашний дождь	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна Рудианова

Блюз поребриков по венам

ГЛАВА 1. Мелодия первого знакомства

Василиса

Август, среда

Мой Город красив лишь на первый взгляд.
Он встречает гостей улыбкой резных оград
И радугой искрящихся фонтанов,
Ослабляет внимание приезжих профанов.
А потом в один миг, внезапно и резко,
Становится бездушно-злым, холодным и честным.
Огрызается и пытается выгнать со своей территории людей.
Он строптивый и очень не любит гостей.
Он защищает остатки магии, что всё ещё живут среди его стен,
Не желая становиться прогрессивным и дружелюбным ко всем.
Среди его замкнутых тёмных дворов
Таится злобное волшебство забытых богов.

Но именно это и делает Санкт-Петербург таким манящим для туристов.

Они, словно саранча, разбегаются по его улицам, фотографируют золотые купола, львов и ангела на шпиле, не замечая, как Город насылает на приезжих простуду и грипп, апатию и грусть, сводит с ума и обманывает мнимым дружелюбием.

Я смотрела на толпу, выползающую из зева Московского вокзала, и очень ей сочувствовала. Неподготовленных странцев Город обдерёт, как монголо-татарское иго Киевское княжество. И только единицы смогут уберечь крупницы здравого смысла и не остаться в Городе навсегда.

Я давно привыкла к его поведению. А Город привык ко мне. Он считает меня своей и поэтому не трогает.

Я не болею зимой, не чихаю весной, не развешиваю бахрому соплей осенью и не боюсь промозглого питерского дыхания летом.

Я умею видеть и слушать его.

– Эй, красotka! Позолоти ручку! – прокричала мне цыганка в цветастой юбке.

Её яркие чёрные глаза, красивая улыбка и кольца в ушах сияли на фоне серого питерского утра. Цыганка вертела кредитную карточку в руке, гипнотизируя проходящих мимо людей.

Я же спешила к памятнику Петра Великого прямо посреди зала Московского вокзала. У его подножия сидели люди, стояли чемоданы и бегала мелкая собачка. Шпиц по имени Фуня. Имя я узнала от его хозяйки, ринувшейся ругать питомца.

Бронзовый император поморщился, когда Фуня задрал на него заднюю лапу.

– Чудесного дня! В чём проблема на этот раз? – поинтересовалась, игнорируя многозначительные стоны статуи.

Бюст Петра огляделся по сторонам и доверительным шёпотом сообщил:

– И тебе, видящая, зонтов без дырок. В Город привезли «Шамана». Поговаривают, в нём скрыт древний опасный дух. Надо его перепроверить.

– Опять выдумываете, Пётр Алексеевич? Вас и так отреставрируют, не стоит напрягаться.

– Да Сампсониевским мостом клянусь! Чтоб он не разводился больше! Сам слышал, как мумии заморские перешёптывались! С тем же составом приехали. А мумии, они врать не будут!

Глаза статуи при разговоре бегали из угла в угол, вот-вот ожидая нашествия шведов или поляков. Маленькие углубления в форме полусферы, заменяющие Петру зрачки, расширились почти до размера глазниц. Дух Петра был напуган.

Я нехотя достала блокнот и записала все данные, полученные от информатора.

Пётр Алексеевич не зря занимает почётное центральное место в зале Московского вокзала, он встречает гостей Города, заочно делит их на тех, кто останется и кто уедет, снабжает информацией и, соответственно, работой всё отделение Санкт-Петербургского Магического контроля. Сокращённо СМАК.

Правда, не всегда его наводки бывают полезны или актуальны. Не далее как неделю назад он всполошил моё начальство новостью о приближающемся Апокалипсисе. Как потом выяснилось, что намёком на такое предсказание послужил потерявший посылку яндекс-доставщик. В посылке развонялся дорогуший заморский санкционно запрещённый сыр дор-блюзовской расцветки. Тонкий нос императора учуял вонь и спрогнозировал конец света, который мы благополучно пресекли, вернув посылку заказчику.

А месяц назад мы всем городом ловили маньяка, якобы приехавшего из Москвы на «Сапсане». Маньяка нечеловеческого, ясное дело, а призрачного. Сами понимаете, билета у него не было, но Пётр Алексеевич клялся, что дух вышел из поезда, крутил в руках лезвие окровавленного ножа и жутко скалился. Через сутки выяснилось, что это дух Фёдора Михайловича вернулся из Минеральных Вод, полный вдохновения и позывов к творчеству.

А насчёт страшного духа шамана – ерунда, скорее всего, но...

Посмотрим. Мне несложно, а Петру Алексеевичу приятно.

Часы под потолком грозно пробили девять ноль-ноль, и сотовый разорвался первыми аккордами «Северного флота» в исполнении бессмертных «Короля и Шута». Граждане, отъезжающие и прибывающие, в страхе заозирались в мою сторону. Прекрасная песня перекричала даже глобальный гул вокзала.

Вот за что я «КиШ» любила, так это за громкость.

– Петропавлова, ты где шляешься? Рабочий день уже в разгаре! – проорала в трубку Надька, моя коллега по отделу и заодно соседка по кабинету.

– Буду через пятнадцать минут, – прошептала подруге, пнула задравшего на меня лапу собаке и, поблагодарив императора, поспешила на работу.

Вот кажется, проехать всего-то три улицы, три поворота: Невский проспект, Суворовский проспект и Лафонскую. А чувство, будто половину города пересекала.

Залетела в двери СМАКа, попробовала перепрыгнуть турникет проходной. Но строгий взгляд охранника поймал на лету и заставил поковыряться в сумке в поисках проходки. Потеряла ещё три минуты, нашла пропуск, приложила к указанному месту и даже «Доброго утра» пожелала.

Опоздала я на каких-то полчаса.

Причёска, конечно, растрепалась, и пришлось собрать волосы в хвост.

Начальник многообещающе улыбнулся. Он уже раздал всем сотрудникам задание на день. И самое приятное, конечно, припас для меня.

– Вчера на Канонерском острове на берег выбросило три трупа. Пойдешь в полицейский участок, выяснишь: нет ли там магической составляющей.

– Но, начальника! Я не могу с ними общаться, с этими упырями в погонах, вы же знаете!

Для меня, как и для всех сотрудников СМАКа, разговор с духами был гораздо приятнее общения с живыми людьми. Смертные скучные, то ли дело нимфы Летнего сада!

СМАК занимал левый флигель Смольного собора: двухэтажное синее здание, окружавшее собор. Полуподвальные помещения с низкими арочными потолками, стены, выкрашенные в мягкий зелёный цвет, и старый линолеум, протёртый по центру. Из окон кабинета моего

начальника Станислава Аристарховича открывался вид на дорожки небольшого парка и на ноги прогуливающихся туристов.

– Кто опоздал, тот и попал! – пропела Надька мне в ухо.

Начальник строго на неё прицокнул, и подруга перестала махать перед моими глазами билетами в Мариинку. Вот почему такая несправедливость? Ей, значит, в театре с духом почившей балерины беседовать о прекрасном, а мне так трупы!

Станислав Аристархович, высокий накачанный мужчина, чьи мускулы проступали даже сквозь костюм из дорогого натурального, но мятого хлопка, приобнял Надежду за плечи и вывел в коридор. Вернулся и на мой недоуменный вопросительный взгляд пояснил:

– Мы только тебя послать можем, Василисушка. Давидушка Догода¹ умасливает, чтоб завывать перестал. А то второй день подряд штормовое предупреждение по Городу. – И даже руками развёл. Ну точно девица хороводы ведущая.

И, главное, по делу глаголет, не придерёшься. Магической составляющей ещё может и не быть, но всё равно неправильно это: к трупам девушку приличную отправлять.

Начальник по глазам моим понял всю бессмысленность своих приказаний и сверкнул второй многообещающей улыбкой.

– Там ещё с полицейским переговорить надо будет. В нём рассмотрели потенциал «видящего». На вот, почитай, пока едешь. – И сунул мне в руки красную папочку с банальной распечаткой. Я только и успела, что полистать её и нахмуриться, а Станислав Аристархович вперился в меня своими драконьими глазами, не давая противиться начальственной воле. И сказал с улыбкой, добренько так. У меня аж брови дыбом встали свеженарощенные. – А ежели раньше освободишься, так домой иди. Тут Махалаевна все отчёты доконвертирует!

Ну, можно ли от такого предложения отказаться?! Конечно же, нельзя! Вот только за машиной бежать далеко. Минут пятнадцать. Возле дома оставила. Махалаевна – волшебница баланса и сумм, по-народному наш главный менеджер. Она устало вздохнула. Ей не привыкать, что её помощник сбегает по поручениям особой важности.

А я кивнула начальнику, сунула папку под мышку (по дороге гляну) и, радостная, побежала к машине.

Кого там ещё решил укокошить мой Город?

Февраль много лет назад...

В СМАК я попала двенадцать лет назад. Как любая уважающая себя петербурженка я училась в СПбГУ (Санкт-Петербургском государственном университете), гуляла вдоль Фонтанки и мечтала об автомате по нарратологии².

Пятый курс кафедры истории русской литературы душил бесконечными докладами, работами с народным фольклором и заумными публикациями. А впереди меня ожидали экзамены и диплом.

Нет, я очень любила своё направление, но ещё больше я любила бессмысленно бродить по дворам-колодцам в поисках новых граффити на Литейном, заходить в парадные старинных домов и прислушиваться к шуму голосов давно минувших лет.

Ещё мне нравилась традиция гладить крылья грифонов на Банковском мосту и загадывать желания.

Там-то меня и поймал Станислав Аристархович Дизверко, мой нынешний начальник.

Я как раз нашептывала грифонам-львам, что они самые настоящие львы, а никакие не грифоны, и даже сунула в зубы всем четырём по пятирублёвой монетке, загадав сдать послед-

¹ Бог ветра.

² Нарратология – научная дисциплина, изучающая литературное повествование в целом.

нюю сессию и не завалить диплом... Просто сдать. С успеваемостью у меня было не очень хорошо.

Февраль холодил ладони, ветер пушил волосы.

Мужчина в чёрном пальто с острым большим носом и длинными чёрными волосами меня сначала напугал.

Он наклонился ко мне и предупредил зловещим шёпотом:

– Вы портите памятник.

Я даже подпрыгнула и остатки монет ему в лицо швырнула. Прямо в глаза, чтобы получить шанс сбежать от страшного маньяка. Но не успела и трёх скачков сделать, как меня схватили за руку и отказались выпускать.

«Это конец!» – мелькнула здравая мысль.

– Они очень любят деньги! – крикнула незнакомцу в своё оправдание, надеясь, что это отвлечёт его и я смогу перебросить моего обидчика через перила прямо в канал Грибоедова. Авось там и сам Грибоедов его встретит, а обитатели канала загрызут.

Пару секунд ставила дядьке подножки и силилась подтолкнуть его к вожаемой воде. Но мужчина почему-то не торопился падать в канал. Я его понимала: воды петербургских речушек грязнее сточной канализации. Сомневаюсь, что после падения туда можно остаться человеком без лишних конечностей.

– Василиса Анатольевна, не стоит меня топить. Даю слово, что не собираюсь причинять вам вред или зло. Слово дракона.

– Слово кого?! – переспросила, не прекращая поступательных движений к ограде моста. Уж очень спокойным показался мне голос мужчины для маньяка. И очень странным последнее существительное.

Не исключено, что он местный сумасшедший. У нас в Питере это обыкновенное явление ближе к осени: обострение шизофрении и мистических явлений.

– Дракона, – повторил приятный мужской голос над самым ухом, а у меня волосы от ужаса встали дыбом. Такой баритон – вот самое то для маньяка!

И хотела уже возмутиться его наглостью: напал на девушку среди бела дня в центре города! Хоть бы до подворотни какой подождал. Задрала голову и застыла, встретившись взглядом с обидчиком.

Вы когда-нибудь видели человека с жёлтой радужкой и острым вытянутым зрачком? Как у рептилии какой-то. А я теперь – да.

– Ма-ма, – вывалилось из моего рта. Паника забила в бубен, пальцы заоченели, мозги отказали.

Я даже завещание не успела написать.

Это ж сколько наркоты он сожрал? А пальто вроде приличное!

– Я Станислав Аристархович Дизверко. Если позволите, ваш новый начальник.

– Не позволю! Я ещё университет не закончила, чтобы ко мне начальники клинья подбивали! – дерзко отказала страшному встречному, всё ещё сжимая его руки, но уже не старалась выкинуть в Грибоедовский канал. Простите, подводные твари, сегодня вы останетесь голодными.

– В этот год мы с вами попробуем начать сотрудничество и притрёмся. А после успешной сдачи экзаменов вы перейдёте ко мне в отдел.

– А без тёрки нельзя?

В мозгу тут же всплыли разборки питерских банд стенка на стенку где-то в Купчино. Но, как ни странно, я не могла отвести взгляд от этих странных пугающих глаз.

Вот зрачок тоньше, вот шире. Дичь какая-то. И говорит странные вещи:

– Василиса Анатольевна, вы обладаете великой силой чувствовать Город. Нам необходим этот навык. А кроме нашего отдела, вы нигде его реализовать не сможете.

– А чем занимается ваш... отдел?

Признаюсь, заинтересовал. Страшно до троеточия в мизинцах, но неожиданно. И... загадочно. А это я люблю.

– Санкт-Петербургский Магический контроль, сокращённо СМАК, сотрудничает с потусторонней стороной Города. Помогает волшебным созданиям выжить среди людей и адаптироваться в современности.

– Вы даже ни разу не улыбнулись.

– Я не из весельчаков.

– Но ведь вы шутите!

– Нет.

– Точно?

– Совершенно.

– Можно я прилягу?

– Не стоит. Земля холодная.

– Тогда посижу.

Ветер трепал волосы, забирался под пуховик, ноги окоченели. Холодное железо перил, на которые я опиралась спиной, возвращало способность мыслить адекватно. Но интуиция подсказывала, что эта способность мне уже не пригодится.

Мужчина со странными зрачками сел рядом и погладил мою несчастную, напуганную персону по голове:

– Не волнуйтесь, вы привыкнете.

– Я сумасшедшая? – со слезами на глазах уточнила у будущего начальника, хватаясь за бабушкин кулон.

Он у меня что-то вроде оберега: отпугивает нечистую силу и маньяков. Простая безделушка из хирургического сплава, даже не потемневшая за долгие годы: небольшой овал с выступающими краями и восьмиконечный крест, вписанный в круг. Бабушка подарила мне его на десятилетие, и с тех пор мы с ним неразлучны.

– Вы – видящая! – обрадовал незнакомец и протянул визитку с адресом.

«Площадь Растрелли, дом 1, строение 1, индекс 191134», – значилось на белом прямоугольнике. И витиеватое «СМАК».

– Вы знаете, чего хотят львы на Банковском мосту. А недавно пытались одеть Ангела в Измайловском саду. И ведь он действительно замёрз.

А ведь этот мужик реально за мной следил, значит, он натуральный маньяк.

Ой, мамочка, посади меня в «Сапсан» да в Москву отправь! Хватит с меня испарений болотных!

– А что будет, если я не приду? – Покрутив визитку в руках, я уставилась на ботинки мужчины. Они сияли чистотой, несмотря на грязный февраль кругом.

С какой стороны ни посмотри, сказочный персонаж. Особенно на зрачки не смотри! Страшно.

– Вы придёте, – заверил меня мужчина, встал и ушёл.

Я ещё полчаса морозила попу на холодных камнях моста. А после экзаменов явилась в СМАК как миленькая.

Станислав Аристархович Дизверко обладал даром влиять на людей и духов, подавлять их волю и делать своими рабами.

Он действительно оказался драконом.

А вас когда-нибудь звал к себе на работу дракон?

По дороге на Канонерский остров попала в три пробки, самая большая оказалась как раз в Канонерском тоннеле – маленьком игольном проезде между городом и островом. Там в

глубокой луже застрял автобус. Я только и успела раскрыть папку с информацией на нового «видящего».

Несколько лет назад у меня состоялся серьезный разговор с начальником, в котором я просила его больше не вербовать работников лично. Уж очень пугающим показался мне мой опыт.

Станислав Аристархович ожидаемо обрадовался, престарелому дракону только волю дай спихнуть лишнюю работу на кого-то другого. Он доверил знакомство с потенциальными «видящими» мне.

В мои задачи входило: наблюдение, оценка потенциала, вербовка и адаптация.

К слову, нынешний мужчина должен был стать моим первым заданием в роли вербовщика.

К делу следовало подойти аккуратно и не спугнуть дичь.

Полицейский на фотографии в деле выглядел привлекательно. Брюнет, серые большие глаза, лёгкая небритость. Он явно подражал оперативникам американских сериалов. У таких людей должна быть приятная улыбка.

БАМ!

Меня ощутимо тряхнуло. Мою «КИА Рио» значительно расплющило. Пока я пялилась на морду небритого мужика, какая-то скотина въехала мне в бок! Как, скажите, можно не увидеть еле ползущую машину?!

Вылезла из своей деточки, угодила по щиколотку в лужу и пригрозила кулаком небесам. Те намёк поняли и разродились мелким нудным дождём.

Обожаю Питер.

ГЛАВА 2. Проблемы коммуникации

Клим

Утро любого дня не бывает добрым, если тебя вызывает начальство на ковёр. Моё начальство любит это дело: показательную порку. Знает в ней толк и раздаёт кнуты направо и налево, оставляя пряники себе.

Вот и сегодня Глеб Анатольевич Авсейков, полковник юстиции и наш непосредственный начальник, собрал подчинённых тесным кружком в семь человек (остальные разбежались по отпускам) и имел нас и в хвост и в гриву. Изощённо так, с выдумкой подходил к делу и с огоньком.

– Близится конец месяца! – орал он, фонтанируя слюной, оскорблениями и угрозами. – Премии лишу, бакланы! Чтобы план по раскрываемости был выполнен! – И, немного подумав, добавил: – И перевыполнен!

– Это как? – совершенно не вовремя встрял Ромка.

Он у нас ещё молодой, зелёный, как незрелый кислый виноград, но хваткий, подаёт надежды, что однажды станет вполне приличным следаком. Но сейчас влез ой как некстати, за что отхватит люлей в кабинете от меня и ребят.

А пока я лишь слегка (так, что Ромашка подпрыгнул и зашипел от боли) наступил ему на ногу. А чего он лезет к Авсейкову? Это же теперь надолго! А был шанс, что полковник уже проорался и распустит нас по делам, но теперь надежды нет, не в ближайший час точно.

– Да ка́ком кверху! – громынуло в кабинете. – Сами убьётесь! А коллеги по отделу будут это дело раскручивать! Мне нужен десяток раскрытых дел в месяц, ясно?! Три жмурика всплыли на Канонерке! Три!!! А вы тут штаны просиживаете! Живо на место! Чтоб каждую песчинку перетрясли, но раскрыли это дело! Вечером доложить!

Мы недружным строем прошелестели, что нам всё ясно, и всё-таки были выпущены на волю.

– Котёночкин, задержись! – гаркнуло начальство, когда я был уже почти в коридоре, одной ногой, так сказать, на свободе.

Рядом заржали коллеги, которые вот уже лет пять неадекватно реагировали на мою фамилию. Молодая секретарша Зоенька тоже хихикнула, Ромка засвистел известную всем мелодию из «Семнадцати мгновений весны», Сашка громким шёпотом, так что слышали все в коридоре, выдал:

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!

– Клоуны! – бросил коллегам и вернулся в кабинет к начальству.

– Клим, присядь. Это на пару минут, – бросил Глеб Анатольевич.

В целом мужик он неплохой, нервный и дёрганный, но не злобный, не самый глупый, не упырь какой-нибудь. В карьере своей упёрся в потолок, потому что все нужные знакомства у него уже закончились, все связи использовались. Он, может, и хотел бы прыгнуть выше, да никак не выходило. Так, скорее всего, и просидит над нами до пенсии и ещё пару лет после выхода.

Я же в своих далекоидущих планах метил на его место лет через пять – семь или ещё куда повыше, в городское управление. Что мне тут в районе разминиваться?! Авсейков мои амбиции понимал и за них меня очень не любил. Но сделать ничего не мог: как ни крути, я лучший сотрудник района! У меня отличная раскрываемость, показатели на высоте, пятёрка по сдаче нормативов. Вот недавно повысили до руководителя следственного отдела Главного следственного управления Кировского района города Санкт-Петербурга. Звучит?

– Тобой тут служба безопасности интересовалась. Досье запрашивала. – Глеб Анатолевич театрально закатил глаза и дёрнул вверх подбородком. Как будто не на вышестоящее начальство указывал, а на самого Господа Бога. – Ничего не хочешь мне сказать? – Шеф прищурил свои и без того небольшие глазки, отчего стал похож на отлично откормленного хряка, каких моя тётка в деревне резала к зиме на сало.

– Даже не представляю, зачем им понадобился. А что вообще сказали-то? – Я мысленно начал прикидывать, по каким делам могло что всплыть, чтобы мною заинтересовались. Вот так с ходу ничего путного не вспоминалось.

– А то они докладывают?! Затребовали личное дело. Молча. Своего человека в СБ у меня нет, узнать не у кого. – Авсейков побарабанил пухлыми пальцами по столу. – Подумай, что у тебя и где плохо зарыто. И зарой получше или сам иди к ним сдавайся. Потому что ребята там как бульдоги – если вцепятся, не выпустят. Понял меня? – Ещё один недобрый взгляд из-под бровей. – Ступай.

И опять окликнул в дверях склеротик-параноик.

– Консультанта к тебе сегодня пришлют. Бабу! С ней обычно в соседнем районе нянькаются. Но в этот раз тебе фортануло. Это по тем всплывшим жмурикам. Ты с этой бабой поаккуратнее. Я поузнавал, она дура дотошная. Кто и откуда – непонятно, но с полномочиями. Ты мужик красивый, удовлетвори её, чтоб не мешалась под ногами. Теперь иди!

И я пошел. Офигевший до состояния выпавшего осадка. Уточнять, как именно удовлетворять дуру-бабу, не стал, чтобы не получить чёткую инструкцию. А так всегда есть шанс соскочить под дурачка.

В кабинете по-быстрому раздал своим архаровцам задания и, прихватив Романа с Саньком, умотал на Канонерский.

На песчаном берегу, омываемом серыми водами залива, на отгороженном лентами пяточке обнаружили три трупа, мужских, один наш эксперт-женщина плюс участковый и дежурный. За лентами в отдалении кучковались зеваки, на бревне сидел мужчина с собакой под мышкой. Рядом с ним курил врач из скорой.

– Свидетель? – спросил я у дежурного, подходя ближе и рассматривая трупы.

– Он их нашел. С собакой гулял. Нас вызвал и «скорую». Но врачам тут делать нечего, а ему давление сбивали. Теперь ребята ждут, когда собачника забрать можно будет.

Я кивнул, расклад понятен.

– Ромчик, Саня, побеседуйте-ка с теми баранами, что столпились. Если никто ничего не знает, гоните в шею. Нечего тут глазеть, не в театре.

А сам направился к нашему патологоанатому Елизавете Кирилловне Смирновой, в миру и обиходе Лизке-трупорезке. Это не я придумал. Какой-то весельчак до меня обозвал, а кличка взяла и прижилась. Хотя Лизка – нормальная девица, ну насколько может быть нормальной девушка тридцати лет, работа которой заключается во вскрытии трупов. Но если закрыть на эти нюансы глаза, то фигурка у Лизаветы хорошая, в постели нескучно. Было дело пару раз.

– Привет, Лизонька. Ну что тут у нас? – Я подошёл ближе и присел рядом с ползущей по песку девушкой.

– Привет, Климушка, – отрываясь от изучения подошвы одного тела, пропела она. – Трупы у нас, трупы.

– Это ясно. А какие? Криминальные?

– А вот это ещё не ясно. Утопили. Все трое. На берег их вынесло приливом. Следов волочения нет. Хотя, сам видишь, натоптали здесь.

Я окинул взглядом уйму следов на влажном песке, как слоны топтались, ей-богу. Хотя борозд от волочения точно нет. Следов от автомобильных протекторов тоже не видно.

– Хоть время примерное скажи, свидетелей же надо как-то опрашивать.

– Вскрытие покажет, Климушка. Приходи завтра. – Лиза была фанатично предана своему делу и до безобразия дотошна.

– Может, я сегодня заскочу? – Я поиграл бровями, намекая на что-то большее!

А потом вспомнил про слова шефа, про бабу подосланную и её ублажение. И что-то мне расхотелось. Всё расхотелось. Настрой пропал.

– А может, и сегодня, Климушка. Часиков в пять заскочи. Буду ждать. – Лизавета так многообещающе улыбнулась, что настроение снова поползло понемногу вверх.

Я согласно кивнул и отошёл к участковому:

– Что с документами?

– Паспорта у всех троих на месте. Намокли малость, но читаемы. – Патрульный, молодой паренёк, выдал мне три пакета с документами. – Права там же. У одного машина припаркована на въезде. Скорее всего, все вместе приехали. Ключи. – Мне в руки лёг третий герметичный пакет.

– Машину не открывали?

– Никак нет. Не было указаний.

– Хорошо. Вещи какие-нибудь при них? Вокруг? Предметы странные?

Из вещей только одежда на них, часы у одного на руке. Водонепроницаемые, в них утонул. Сумка, предположительно, погибших. В ней три полотенца и три каремата рядом. Вокруг никаких следов. Мусор разве что. Но он тут повсюду.

Я огляделся, место действительно требовало уборки. Повсюду фантики, этикетки, пластиковые бутылки, алюминиевые банки от пива и стеклянные от водки, смятые стаканчики, обрывки салфеток, пакеты. Чуть поодаль виднеется разломанный мангал и горка пепла.

– Что они тут вообще забыли? – задумчиво спросил у парня.

Тот пожал плечами:

– Отдохнуть приехали.

– Поплавать и позагорать?

– А чё? Погода вон... – Парнишка взглянул на небо, с которого вот-вот собирался пролиться дождь, и осёкся.

Допустим, вчера и была погода, но... Три полотенца у трёх мужиков... И карематы³? Загорать реально собирались. А пиво где? Чипсы, рыбка? Полотенца и подстилки присущи больше девушкам, мужики бы так на голом песке повалялись.

Были бабы или нет – вот в чём вопрос. Если были, то куда делись? Сами ушли, отработав оплаченное время, или ещё где три трупа всплывут?

– Машина точно одна? – уточнил, потому что пешком с Канонерского мало кто мог уйти.

– На въезде одна. Во дворах там дальше могли оставить. Ключи просто утонули.

Да патрульный просто гений, догадки генерирует на ура.

Я махнул ему рукой, мол, будь тут, и пошёл к свидетелю.

Мужчина средних лет, документов при себе нет. Зато есть собачка конструкции блоха: мелкая дрянь, трясущаяся от холода или злости. Или у неё это нервное, кто этих шавок разберёт?

Ничего толкового свидетель не поведал. Шёл по берегу, увидел отдыхающих, проскочил бы мимо, но собака залаяла, пришлось подойти. Окликнул, мужики не встают. Присмотрелся, а они мёртвые: голубоватая кожа, стеклянные глаза. Вызвал полицию и «скорую».

– А «скорую» зачем?

– А вдруг бы спасли? – вопросом на вопрос ответил мужчина.

³ Туристический коврик.

Отпустив свидетеля, я под накрапывающим дождём сходил к машине, достал дождевик и вернулся на место. Лизавета уже сворачивала свою деятельность, трупы закрывали в пакеты, но ещё не увозили, зеваки испугались дождя и разбежались по домам.

От скуки стал рассматривать окружающий ландшафт. Канонерский остров мне чем-то напоминал зону отчуждения вокруг взорвавшейся атомной станции. Расселённые дома смотрели на редких жителей пустыми оконными проёмами. Стёкла выбили ещё пять лет назад, когда строили КАД (кольцевую автодорогу). Жителей расселили, а снести здания не озаботились. Их даже не заколотили от бомжей. Или заколотили, но очень ненадёжно.

По очертаниям остров походил на автомат, на вытянутом дуле которого располагался небольшой лесопарк, где с ужасающей стабильностью плодились маньяки и трупы.

Отличное место, чтобы провести пикник и закопать пару тел.

Сам бы я ни за что здесь не поселился. И вообще предполагал, что местные жители остались на острове исключительно из-за психологического отклонения под названием «тяга к разрушению». Так и представил себе их запросы при покупке квартиры: «Хочу разрухи, анархии и кучу мусора под домом, ну ещё и парк можно, но тоже, пожалуйста, грязный!»

Ну или их сюда заселили насильно во времена СССР, и теперь бедные люди вынуждены глазеть на противоположную сторону Васильевского острова и мечтать о большом мире.

Но при этом было в Канонерском что-то мистическое, зовущее. Будто остров был не так прост, как кажется. Или мой организм окончательно устал и сейчас под барабанную дробь дождя по капюшону придумывает всякую чушь.

Уехать я не мог, потому что консультант, навязанный сверху, ещё не приехала.

«И не приедет», – подумалось, но, позвонив шефу, получил приказ ждать до победного. Вот я и ждал, рассматривая свои насквозь промокшие найковские кроссы. Придётся опять выкидывать. Носил я строгие костюмы с кроссовками. Мне было удобно, а на мнение остальных параллельно.

Все эти невесёлые мысли почти утопили меня в печали. Рядом ныл Ромашка под огромным чёрным зонтом, Саня утопал в машину, у него и зонта нет. Хотелось в тепло и чаю, а не вот это вот всё.

И тут я оторвал взгляд от грязной обуви и увидел ЕЁ!

Она шла по пляжу, проваливаясь острыми шпильками в песок почти на сантиметр. Высокая, фигуристая, сосредоточенная на передвижении. Узкая юбка мешала собирать ноги обратно, зонт рвался из рук. Я уже собрался подойти и помочь, но меня опередил Ромка, оказавшись расторопнее. Парень приподнял свой зонт над дамой, пока та пыталась вывернуть обратно спицы своего поломанного. Потом бросила это занятие и, быстро переговорив с Ромой, подцепила его под локоток и двинулась в мою сторону.

Зачем?

Нехорошее предчувствие пощекотало нервы.

Я быстро набрал Авсейкова:

– Товарищ полковник, если ваш консультант – блондинка на шпильках, то я уволюсь.

– Да за неё сам Дизверко поручился!

– А мне плевать, хоть папа Римский.

– Котёночкин, ты что, католик?

– Я атеист, фетишист и нудист! – позволил себе вызвериться. – Она опоздала на три часа!

– Странно. Почему?

– Маникюр, видать, делала!!!! – Я был взбешён ожиданием, дождём, холодом, глухарями и перспективой лишения премии.

Женщина подходила всё ближе. Собранные в тугой хвост волосы теребил ветер, дождь намочил колготки телесного цвета по колено.

Ромашка, видя моё лицо, бодро всунул в руку блондинке свой зонт и отскочил, нацепив капюшон. Знает, зараза, когда пора прятаться. Если дамочка и удивилась, то виду не подала, перехватила зонт и подошла ко мне, улыбнулась и протянула свободную руку для рукопожатия. У блондинки действительно был прекрасный маникюр нежного розового цвета, под цвет костюма.

И улыбка приятная, и голубые глаза очаровательные.

Но кабзда, братцы. Она на вызов припёрлась в ЮБКЕ!

Я вовсе не сексист! Но...

– Очень приятно. Василиса Анатольевна Петропавлова.

– Ну расскажи, снегурочка, где была? Маникюр ли делала или спала? – едко процедил.

Дамочка отпрянула, распахнула свои красивые глаза ещё шире. Покачнулась на шпильках, зацепившись за пластмассовую банку, но устояла. С зонта рухнул водопад воды. Прямо на меня!!!

– Рад с вами познакомиться. Наконец-то, – выплюнул, не скрывая своего отношения к ней и ситуации в целом, встряхнул мокрый дождевик и, развернувшись, пошёл к телам. И оглядываться даже не стал. Пусть цапля в розовом костюме ковыляет как хочет.

Баба в деле – к глухарю! Теперь я понял почему!

Вдох-выдох. Ещё вдох. И ещё выдох. Капли дождя по морде стекали, чуток остужая моё взвинченное состояние. Столько времени потеряно в ожидании. И что в итоге? Баба на каблучках! Блондинка с розовым маникюром! И это консультант?!

Остановился возле ленточки, подождал, пока супер-пупер эксперт доковыляет поближе. И даже поискал глазами врача из «скорой». А кто эту даму знает, может, её сейчас из обморока придётся выковыривать? Но нет, оказалась Василиса Анатольевна Петропавлова, послал же Бог фамилию, стойкой, к трупам привычной. Даже не поморщилась.

Подошла вплотную к крайнему трупу, Санёк быстро молнию на мешке расстегнул. Вот и мои архаровцы пали под весом женского обаяния в розовеньком костюме, блин! Так и теряют мужики голову при виде голубых глаз. Хотя глазки у блондинки чудо как хороши, и губы сочные, и... А чёрт, увело меня куда-то в дебри дальние.

А чудо чудное, самым Дизверко рекомендованное (неплохо бы у Авсейкова узнать, что это за хрен такой авторитетный), уже по песку всюю ползает, на карачках кружит, к воде подбегает. Потом замирает возле самой кромки и, не обращая внимания на потоки дождевой воды, мокрую причёску и порывы ветра, всматривается в даль.

Я стою, молчу и офигеваю.

– Что вы об этом всё думаете, Клим Анатольевич? Что-то чувствуете? – спрашивает блондинка чувственным голосом.

– Чувствую, что в этом квартале я останусь без премии. И что висяки по району будут числиться.

Дамочка прикусила пухлые губки, явно недовольная ответом:

– А запах тины чувствуете?

Приплыли, товарищи!

– И лотосами пахнет, правда? – Блондинка уставилась на меня с немим вопросом. И улыбнулась так, как будто мы с ней на двоих курили мухоморы и я реально должен унюхать запах лотосов.

В гляделки с Василисой мы играли с минуту, первой моргнула она.

– Ну? Чувствуете? – В её голосе послышалась надежда.

Я глубоко вздохнул и покачал головой. «С сумасшедшими надо разговаривать спокойно и резких движений не совершать», – всплыла в памяти информация.

Блондинка поджала недовольно губы и продолжила:

– Хорошо, а, может, что-то слышите? Или ощущаете?

– Я ощущаю голод и слышу ропот ребят, потому что мы вас ждали три часа! И ради чего? Шарады тут разгадывать?

– Ладно. Давайте с другой стороны зайдём. Когда вы приехали, не заметили ничего странного?

– Нет, всё как обычно. Песчаная коса на выселках, три трупа средней синюшности, дождь, ветер, толпа зевак. У нас каждый день такое происходит. Чему тут удивляться?

Злость мою как рукой сняло, мне теперь до ужаса хотелось рассмеяться. Даже не так. Заржать в голосину хотелось. Но нельзя, стоит вытерпеть этот театр абсурда до конца.

– Ну, может быть, темнело в глазах или светлело? Звуки посторонние были? Головокружение? Воронка времени? Видения обнажённых дев? – Она посмотрела на меня с нескрываемой надеждой. – Тоже нет?! Да что же такое!

Я стою, молчу. То ли дать знак ребятам, чтоб санитаров вызвали, то ли подождать. А чего ждать? Ну ради чего-то же блондинку прислали?! Может, ребятам звякнуть из других районов? Что там Авсейков говорил, к ней там нашли подход?

А блондинка тем временем зажимает зонт плечом и лезет в сумку. Выуживает из недр папку и, сражаясь с ветром и дождём, вчитывается в какой-то документ. Справку из дурдома, что ли, свою нашла?! Вытягиваю шею и пробегаю глазами по строкам: «Циник, скептик, атеист. Разведён. Бабник, в серьёзных отношениях в последний год не замечен. Карьерист, амбициозен, в средствах достижения цели неразборчив».

Ба! Да это же про меня бумажечка! И как досье, запрошенное СБ, оказалось в намяти куренных ручках Василисы Анатольевны?

– Ну вот же! Вот! – Она воскликнула так радостно, как будто в бумажках этих нашла пароль от сейфа с миллионом долларов. – Тут же написано: «Потенциальный видящий».

– Ну почему же потенциальный? Я отлично видящий и слышащий. И даже соображающий! Об этом в досье не написано?

Меня начал захлёстывать идиотизм этой ситуации, а вот блондинке хоть бы что.

– Есть пара слов про сообразительность, но я не об этом. – Девушка отмахнулась от меня, снова ныряя в бумажки, а я стою, злюсь.

От злости не знаю, куда себя деть. Ещё и дождь усилился, а в дождевике карманов нет, мокрые руки девать некуда.

Прокрутил кольцо, которое ношу постоянно на левой руке. Семейная ценность, реликвия – все дела.

– Прагматик, с трудом идёт на контакт, – вполголоса прочитала Василиса Анатольевна очередную белиберду, а я, плюнув на всё, нырнул к ней под зонт и удивился, почему раньше этого не сделал? – Так вот чего Станислав Аристархович так радовался, спихивая мне вас! Дракониче огнедышащий! Чтоб ему жена мозг трезубцем выковыривала! Век ему на мокрых простынях спать! – экспрессивно и с фантазией костерила консультант неизвестного мне мужика. – Ну хоть что-то вы должны были понять?! – Голубые глаза почти с мольбой уставились на меня.

– Конечно понял. У вас осеннее обострение. Но это, голубушка, лечится, – как можно ласковее проворковал, подхватывая блондинку под локоток. – И вам помогут. Сейчас я с ребятами договорюсь, и они вас отвезут куда надо. А трупы подождут, они никуда не торопятся. – Приговаривая и улыбаясь, я подталкивал мадаму к машине «Скорой помощи».

Она застревала каблуками в песке и всячески замедляла движение.

– Я не сумасшедшая, если вы на это намекаете! И могу доказать вам. Только кило корюшки мне принесите, и я вам покажу, в чём тут дело...

Что девушка хотела мне доказать, я не успел узнать, потому что, не выдержав препятствий, каблук одной её туфли с хрустом сломался, и Василиса Анатольевна повисла на моём локте, тесно прижавшись ко мне телом.

Меня прошибло электрическим разрядом, а затылок отчётливо прожгло чужим любопытным взглядом. Я обернулся и успел заметить только всплеск на подозрительно спокойной водной глади. И это при таком ветре! При том, что пару минут назад на заливе лютовали волны. Ни ветерка, ни ряби на воде. Как это?!

Моргнул и снова увидел шквал и грязные волны, несущиеся на берег. Галлюцинации заразительны?!

– Это русалки вас зовут, – шепнула мне на ухо блондинка.

– Это не меня. Ошиблись.

– Они задурили головы ныряльщикам своими песнями и утопили их. Они просто голодные, – продолжила эта... да чёрт её знает, кто она! То ли психическая, то ли обкуренная. – Мы сейчас им купим корюшки, они успокоятся...

– Кто?

– Русалки.

– Которые с хвостом?

– Да!

– Под водой живут?

– Да!

– Чёрные?

– Почему сразу чёрные? Нормальные они, зелёненькие...

– Да, вы точно... эксперт, – не стал я скрывать сарказма. – Хватит, чёрт с ней, сама разберётся со своей шизофренией. Я в санитары не подписывался. На службу пора и на вскрытие к Лизоньке заскочить. Но не смог удержаться от шпильки: – С кем покувыркались, чтоб добыть корюшки?!

Наплевав на испорченную обувь, Василиса Анатольевна отцепилась от моей руки, остановилась и заявила замогильным голосом:

– Отчёт я подготовлю завтра, часов после трёх. Пришлю вам для ознакомления. – И поковыляла прочь под Ромкиным зонтом и на сломанных туфлях.

– Ну что, консультант? Помогла? – Ромка с Саньком тут же подскочили ко мне, провожая женскую фигурку взглядами.

– Да писец как! Сразу дело раскрыла!

– И кто мужиков так?

– Так русалки... зелёненькие.

ГЛАВА 3. Песни русалок

Василиса

Стою и смотрю вслед отъезжающему кортежу полицейских машин. И кто меня за язык дёрнул, сразу с откровениями лезть к мужику?! Видно же, что ничего он не видит! И имечко-то какое приметное: Клим Котёночкин! С такими родителями врагов не надо. На лицо психологическая травма и тирания. Даже представить страшно, как его в детстве дразнили! Клим Климом вышибается? Клим Иствуд? Может, из-за этого в нём и не проснулся дар до сих пор? Ведь сказано: как корабль назовёшь, так и оплачивай потом ему ремонт психики и мозгоправа.

Хорошо хоть успела с мёртвых по клоку волос выдрать. Будет чем русалок заговаривать.

Три зеленоголовые девы кружили возле берега и томно похлопывали хвостами по воде. От людского глаза их скрывал морок, сизым дымом льнувший к воде. Если получше сконцентрироваться, легко почувствовать и услышать потусторонних существ, особенно если они сами хотят чего-то от людей.

Напряжённо огляделась по сторонам. Скучающий народ уже разошёлся. Мертвецов не показывают, перестрелок не устраивают, чего мокнуть? Дождь всё ещё стучал по чужому зонту, но через облака уже проглядывало низкое солнце, цеплялось лучами за ЗСД и отбрасывало искры на воду.

Громадное чудовище Западного скоростного диаметра (сокращённо ЗСД) выходило из города и шагало бетонными опорами прямо по заливу в сторону Васильевского острова. Дорога выглядела монументально: широкая, снизу не видно, но разлинеили её в восемь полос. У нас в Питере это, наверное, самая большая автострада и дорогая. Её сложили из снежно-белых плит и поставили на толстые сваи, возле одной из которых я как раз стояла. Эта опора казалась колоссально большой.

Даже пришлось задрать голову, чтобы увидеть изогнутые белые фонари автомагистралей, торчащие аккуратными дугами, прямо как рёбра грудной клетки. Дизайнеры платной дороги постарались на славу, сгладив острые углы топорного дорожного зодчества. Больше всего ЗСД напоминал обглоданный хребет древнего змея, извивающегося в небе. Сейчас змей повернёт ко мне шею и пожелает приятного вечера. Такое древнее животное не может быть невоспитанным!

На кончиках костей засветились огоньки фонарей, и я прониклась этой новой магией: ассоциация со скелетом сменилась арочным мостом, ведущим к академии волшебников, что затеряна где-то в сосновых лесах Ленинградской области! И скоро пронесётся по этой дороге железнодорожный состав на угольной тяге, пыхтя клубами дыма и отголосками заклинаний!

Красота и романтика Канонерского острова просто зашкаливала. Если бы Клим действительно был видящим, он бы это заметил.

Отбросив последние терзания совести, присела на камень, выступающий из воды, сняла туфли, одну оставила на берегу, зачерпнула холодную воду второй из залива и налила её в своё правое ухо.

Спросила, зябко поджав пальцы ног:

– И зачем вы это сделали?

Температура в заливе была не сильно высокая. Но чтобы русалки слышали, надо говорить с ними через воду. То есть нырнуть. Лезть в воду мне отчаянно не хотелось.

Так что я решила попробовать альтернативный способ общения. А вдруг прокатит?

Заинтересованные лица тут же всплыли на поверхность, успокаивая волны. Когда русалки выныривают, гладь залива становится ровной и тихой, как стекло. Это магия воды.

– Мы хотели слёз, отчаяния и ваших страданий!

- Ветер гонит рыбу и подводных созданий!
- Из-за него меняют течения направление!
- А мы так давно не пели для успокоения!
- Голод покоя не даёт плавникам.
- В грязной воде место только покойникам! – наперебой зазвенели мелодии.

Русалки не отвечают словами, они поют. Дурят своими гипнотическими песнями мозги ныряльщикам. Зовут к себе и забирают отчаяние умирающих. Слаще этого лакомства для них только корюшка.

Звук в ухе слегка вибрировал и растекался, я прикрыла ухо рукой, и стало гораздо чётче слышно.

Ох, Нобелевскую премию мне за оригинальность. Я, кажется, только что изобрела наушник для общения с подводными обитателями!

Русалки красивы специфической инородной красотой. Большие глаза навывкате, маленькие рты, широкие уши с перепонками над жабрами. В волосах запуталась тина, а на коже переливаются чешуйки. Чаще всего зелёные, потому что в Финском заливе преобладает водоросль микроцистис, окрашивающая тела подводных красавиц в изумрудный оттенок. Но в коралловых рифах Карибских островов водятся разноцветные русалки, похожие на водных экзотических птичек. Сама я с ними не встречалась, только в книгах читала сказочных.

Русалки – довольно миниатюрные и нежные существа, рученьки у них беленькие и тоненькие. Своими руками они даже ребёнка не утопят.

А вот хвосты их, что плавно извиваются под водой, на самом деле гораздо длиннее, чем люди привыкли думать. Они почти змеиных размеров, если соизмерять их длину с телами. Это необходимо для того, чтобы удержать жертву и задушить.

Пока я разглядывала морских красавиц, русалки ныли о том, что не ели уже несколько недель, рыба в заливе тухлая, приливы мелкие, а луна идёт на убыль. Суть претензии сводилась к загрязнению залива, повышению температуры воздуха и излишней ветрености. Но главное: они голодные.

Несколько минут я сидела на попе ровно и соображала, как исправить ситуацию.

Волнение воды спровоцировал ветер. Догод – бог ветра – переживал депрессию. Его завывания становились всё резче, неожиданнее и опасней. Это разносило мусор по округе и пугало рыбу.

Но с ним уже работает наш лучший заклинатель Давид Моисеевич Хворь. Он кого хочешь успокоит и стабилизирует. Значит, мне необходимо устранить текущие запросы страждущих: накормить и запретить мусорить отдыхающим (запрет русалкам или? Если запрет дается русалкам, то не подойдет это слово).

С новой силой всплыл вопрос: «Где достать корюшку в семь вечера в августе?»

Порылась в сервисах доставки, узнала, что экспресс-заказы в два раза дороже обычных. Но уже через час у меня на руках было три килограмма отборной замороженной корюшки, которая уже начала подтаивать и пахнуть огурцами.

Русалки, весь этот час выносившие мне мозг заунывным пением, тут же замолчали и уставились на пакет с рыбой. Отвела руку в сторону, выпученные глазки собеседниц повернулись вслед за пакетом вправо. Повела в другую сторону – русалки послушно переместились влево.

За спиной залаяла собака. Оглянулась: мужчина средних лет уставился на меня с открытым ртом. В глазах страх и обещание сегодня же доложить обо мне в полицию.

Ну да, видок у меня замечательный: мокрая с ног до головы, верчу над водой рыбу. Во второй руке туфля! Сама босая! Кроссовки-то в машине оставила, потому что промокли. Знала бы, что каблук отвалится, в мокрых кроссах бы пошла!

Дождалась, когда мужик с мелкой тьявалкой уйдёт, кинула в залив волосы умерших и приказала:

– Клянитесь смертью вашей, что больше не станете охотиться в заливе на жителей местных. – Подумала и добавила: – И на неместных, ни на кого из людей.

– А нам что за это? – ехидно спросили из воды, подплыв ещё ближе.

– Корюшку каждый месяц приносить буду.

– Каждую неделю!

– Раз в три недели и один килограмм.

Раз начались торги, победа моя близка!

А голоса колокольчиками звенели наперебой:

– Два килограмма, но каждую неделю!

– Один килограмма, но раз в месяц! – не соглашалась я.

– Два килограмма, но раз в две недели!

– Один килограмм, но два раза в месяц!

– Два килограмма, но три раза в неделю!

– Два килограмма, но два раза в неделю!

– Согласны! Клянёмся! – хлопнули хвосты по воде, затапливая волосы умерших.

Над водой поднялся зелёный туман, принимая клятвы потусторонних созданий.

Я высыпала корюшку в воду и со спокойной душой побрела к машине. Осмотрела свою «КИА Рио», после утренней аварии ей требовался ремонт. Небольшой и несрочный, но всё равно обидный. Ведь три часа простояла в ожидании гаишников, а они меня почему-то виновной признали. Мол, «не двигалась в потоке». Да я вообще стояла. Как может стоящая на месте машина быть причиной аварии?!

«Пораньше освободишься», – вспомнила обещания начальника, посмотрела на полную луну над ЗСД и задумалась.

Прокрутила разговор с русалками в голове. И поняла, что я третий раз за день окотова-силась.

– Утречко! Отрываем щупальца от кровати, трясём филеом и ползём на тренировку! Не ленимся! Голова выше! Глаза открыты! Не отбрыкиваемся!

Да, вот такой у меня несносный будильник. Гад черноухий, а не будильник. Мягкие лапки переступили по одеялу, а невежливый баритон удивился:

– Васька, я не понял, ты вставать не собираешься? Ты уже на три минуты выбиваешься из графика! А как бочкА наши лакомые жиром заплывут?!

И смартфоном меня по лбу ударил, негодник!

– Успею, Феофан Валерьянович, дайте поспать в кредит.

Феофан Валерьянович очень любит, когда его называют по имени-отчеству, и обычно отстаёт, позволяя поваляться ещё немного. Но, видимо, не сегодня.

– А не надо было вчера допоздна сериалы слезливые смотреть! Думаешь, я не знаю, что ты втихаря «Друзей» пересматриваешь?! И без меня!

– Не повторится!

– Клянёшься?

– Мамоу клянусь!

– Смартфоном клянись.

– Ну вы и зануда, Феофан Валерьянович!

Нашупала рукой что-то большое и мягкое, предположительно подушку, и запустила этим в пристающий ко мне будильник. «Этим» неожиданно оказался сам Феофан Валерьянович, который с громким, несвойственным ему мяуканьем совсем непрезентабельно отлетел в стену.

Конечно, я тут же вскочила и, теребя рюши на своей пижаме, затараторила:

– Ой, извините, пожалуйста, Феофан Валерьянович!!! Я ж не специально! Не больно? Где ударились? Давайте подую!!!

Феофан Валерьянович отбился когтистой лапой, оставив на мне три глубокие царапины, и злобно зашипел.

Шёрстка у Феофана мягкая, нежная, так и тянет зарыться в неё руками и пожимать. Но, к сожалению, нельзя. Феофану Валерьяновичу больше трёхсот лет. Он мне в прапрадедушки годится. Да и безнравственно это как-то – лапать домового.

Феофан грозно сверкнул зелёными глазищами и смачно плюнул на пол. Впрочем, тут же спохватился и убежал за тряпкой вытирать непотребство.

А мне лучше ускориться. Как только его отпустит, Феофан Валерьянович устроит мне рубилово лесное основательное, только щепки полетят.

А у меня тренировка через двадцать минут.

Лааааадно. Быстро потопала в ванную, обработала царапины хлоргексидином, укоризненно уничтожая кота взглядом. Да какой он хранитель домашнего уюта?! Чудовище он!

И фанатично принялась счищать остатки невидимого кариеса с поверхности зубной эмали.

– А я завтрак тебе сделал. – Феофан пощекотал хвостом мои колени.

В отражении зеркала, когда морок немного сбивается из-за неровности амальгамы, можно увидеть длинную бороду домового и аккуратную одежду. Сам Феофан выглядит как лохматый карлик. Из черноволосой головы торчит большой нос и чёрные глазки, всё остальное прячет густая борода и усы.

Красная рубашка подпоясана кушаком, атласные штаны стягивают на лодыжках кожаные шнурки (да, я проверяла, натуральная свиная кожа). Ноги у Фео босые и тоже волосатые, как и руки. Толстые пальцы ухоженные, ногти подстриженные. Я ему каждые выходные делаю маникюр. Но всё равно Феофан ужасно царапается! Я б его даже постригла, но домовой упирается. И грозитя отомстить, если решусь.

Домовой служит моей семье уже не первое поколение и прекрасно готовит. Это его главное преимущество, а ворчливый нрав – главный недостаток.

Для обычного человека Феофан ничем от домашнего кота не отличается, ну разве что умным, но презрительным взглядом. И только «видящие» могут распознать в нём хранителя домашнего очага. Я и сама порой забываюсь, особенно если Фео начинает вдруг урчать.

В кухню пришла уже довольная. Свежий мультивитаминный смузи кого хочешь обрадует. А Феофана моего нельзя не любить, ведь только он может выдержать мой прекрасный характер.

И даже пластмассовую трубочку нашёл моего любимого розового цвета!

Не удержалась, сграбастала кота в объятия и прижала к себе. Шерсть тут же забила нос. Фео у меня абсолютно чёрный, мохнатый, с длинными усами и жёлтыми змеиными глазами. И когти выпускает по любому поводу, потому что, с его слов:

– Я тебе не дворовый кот, ручищами меня лапать! Поставь на место! Ещё раз такое повторится, сама себе носки стирать будешь!

– Извините, извините! Не повторится! – отпустила, а сама пальчики за спиной скрестила.

Фео врать нельзя, но иногда это так сложно. А он такой мягонький. И в квартире ценнее любого робота-пылесоса и посудомойки.

Кушал Фео со мной за столом. Он себе уже приготовил деревянную тарелку с манной кашей и ягодами земляники (и где только достал в августе-то?!) и деревянную расписную ложку.

Сел напротив и в глаза мне осуждающе посмотрел.

Мой категорический отказ от злаковых с большим содержанием углеводов его особенно печалил. И если мозгом Фео был за здоровый образ жизни, сердцем он ЗОЖ категорически не принимал.

Быстро перекусив, понеслась на всех парах в бассейн. В спортивном клубе меня встретили как родную и пожелали отличных занятий. Тренер Димочка тёр глаза и шурился на яркий свет. Я же нацепила очки и нырнула в холодную воду, обдав тренера веером брызг. Что может быть лучше быстрого заплыва в семь часов утра?

Дмитрий, ясное дело, разозлился как обычно и на брызги, и на моё желание тренироваться с первых минут открытия клуба. А мне, между прочим, ещё на работу надо успеть!

В бассейне, кроме меня, никого не было, завсегдатаи подплывают позже, к восьми, когда я уже покидаю место моей силы. Я с детства люблю воду в любом её проявлении: плавать, пить, лить, гулять под дождём.

Наверное, и Питер поэтому для меня кажется чудесным городом. Дождь придаёт ему романтики и мистики.

И народу на улицах меньше.

Вы, наверное, не замечали, но дождь – замечательная штука. Он сближает: намокнув, люди начинают помогать друг другу. Сочувствуют, остаются дома, начинают общаться друг с другом, думают, а не просто бегут вперёд.

Вода смывает обиды, горечь потерь и тяжесть переживания. Каждый раз, выныривая на другом конце дорожки, я чувствую себя новым человеком. Будто за десяток гребков под толщей воды во мне всё перевернулось с ног на голову, перемешалось, перераспределилось и уложилось заново.

И вчерашние провалы (все три) уже не кажутся такими уж провальными. Вода вытесняет буйство мыслей, оставляется лишь дыхание и дробь пульса в ушах.

Дмитрий ждал меня, сидя на корточках. Он даже засёк время.

Улыбнулся и показал мне секундомер: 16,5 секунды.

Мой новый рекорд.

– Теперь брассом три бассейна, постарайся не выронить колобашку. – Тренер передал мне поплавки в форме восьмёрки, сделанный из пенопласта.

По инструкции я должна зажать его между коленей и не выпускать за всё время задания.

И вроде нетрудно, но поверьте, это самое сложное, что я в жизни когда-либо делала. А уж проплыть с колобашкой целых три бассейна!

– Ты настоящий изверг, – подыхая на бортике после издевательского задания, высказала я Дмитрию.

Он сидел рядом со мной, опустив одну ногу в воду, и опирался руками на плитку позади себя. На лице у него играла улыбка отомщённого человека. Жаль, что бассейн с семи работает. Я б Димку в пять утра затащила на тренировку.

Да и просто затащила...

Дмитрий – мужчина привлекательный, накачанный, фигура в виде идеального треугольника, кубики пресса призывно блестят на загорелой коже. Я немного его обрызгала, когда завершала круг, и капельки воды стекают по его красивому телу.

Он знает, что хорош, и пользуется этим, чтобы беззаботно кадрить девчонок. Носит плавки пониже, майки потоньше, улыбается чаще, шутит больше.

Я и сама поначалу попала на его подкаты. Как обычно, решила, что вот он – принц всей моей жизни! Умный, красивый, спортивный, тоже на ПП⁴. К сожалению, этот разгильдяй

⁴ Правильное питание

всегда думает только о текущем моменте. И после месяца отношений я поймала его на флирте с другой клиенткой клуба. Причём на флирте уже глубоком и самозабвенном.

Хотелось устроить скандал, разбор и полемику, а потом прислушалась к себе и поняла, что, в принципе, это нестрашно. Не такой уж он и прекрасный, не такой уж и принц.

И теперь у нас с Димкой чисто дружеские отношения, больше переходящие во взаимные подколки. Я ему гадости делаю иногда и любя, он – мне.

– Ты очень сексуально смотришься с этой штукой. – Димка протянул руку и вытащил колобашку из-под моих колен.

Со стороны соседней дорожки раздался разочарованный стон.

– Тебе очередную пассивку отведать надо?

Язык ворочался с трудом. Кажется, пора заканчивать тренировку. Но мозги ещё соображали, и я поняла, что внимание Димкино ко мне неспроста. Такое уже было несколько раз: я изображала его невесту для особенно настырных и обнаглевших поклонниц, прогоняла наскучивших девиц. Не скрою, повеселилась.

Вот за что я Димку сразу зауважала, так это за честность. Он никогда и никому не обещает вселенской любви и верности. Прямо говорит об этом на первом же свидании, но вот беда: девушки сами отказываются слушать.

– Тогда помоги выползти, – попросила в ответ на кивок тренера.

Вид моего вытаскиваемого тела вызвал ещё один стон и нечто, похожее на шипение, со стороны конкурентов.

Дмитрий взял меня за талию и повёл к женской раздевалке, усиленно делая вид, что не лапает.

Его прикосновения были приятны, но мы же друзья, а не пара.

– Сама дойду, – оттолкнула я его руку.

Вот ещё! Помогать ему! Сам завёл себе змеюку подколенную, пусть сам от неё и избавляется!

Я оглянулась, шипела в бассейне хорошенькая девушка в розовой шапочке, белые кудри художественно вились вдоль её шеи, раздельный купальник почти ничего не скрывал, скорее, наоборот, подчёркивал грядущее «выпадение» её очарования.

Не представляю, как можно плавать, чтобы даже шея не намочилась?!

Тяжело будет от неё отбиться, девушка явно закалена и настроена на победу. А в воображении сформировался Димка, укрощающий свою новую кобру.

Знаете, как индусы на самом деле тренируют змей, чтобы они «танцевали» под музыку? Очень хитро. Первый этап дрессировки начинается с того, что кобру от души бьют пузатой дудкой по голове. Ей это очень суперсильно не нравится, поэтому в следующий раз, увидев знакомую палку, она следит за ней, чтобы успеть увернуться. Понятное дело, что никакая музыка змею совершенно не интересует. Может, она её вообще не слышит! Так что дудка, или свирель, или просто палка в руках заклинателя – значения это не имеет, а важна сила удара и длительность битья.

Наверное, что-то такое промелькнуло у меня в глазах, потому что мужчина, только что строивший мне глазки, свернул в сторону и чуть не поскользнулся рядом с надписью «мокрый пол», потом поспешил обратно в бассейн.

Сзади донёслись обаятельный смех Дмитрия и тихое хихиканье блондинки.

Вот паразит, уже бы разобрался: ты отбиваешься или соблазняешь!?

ГЛАВА 4. В Питере – пить

Василиса

– Да с чего вы вообще взяли, что он «видящий»?! Он не видящий! Он матерящийся! Знаете, сколько раз он меня матом обложил?! Шестнадцать! И это не считая промелькнувших междометий в чужой адрес! Да у моего идеального слуха инфаркт случился! Человек такой скудной организации совершенно не подходит нашей конторе!!! Просто Клим Иствуд какой-то!

– Понравился? – скорбно вздохнула Надья, ставшая свидетелем моих препирательств с начальником.

Я слотнула и отрицательно замотала головой. Конечно понравился. Он же, чтоб ему деепричастиями всю жизнь изъясняться, полностью в моём вкусе! От романтической небритости до адидасовских кроссовок в сочетании с костюмом! А его пятую точку вы видели?! Это же место притяжения покруче любой чёрной дыры! Там, как говорится, мёдом намазано. Прямо пальцы дрожью свело, так захотелось ущипнуть!!!

СТОП.

Я сильная независимая женщина, я умею справляться со стрессом и неудовлетворёнными желаниями. Я же только что с тренировки, я же еле выжила. И вот опять! Откуда эта дрожь в руках и агрессия?!

Надя даже через стол перегнулась, чтобы на фотку потенциального нового сотрудника посмотреть, уж очень моя реакция её заинтересовала.

С Надеждой мы сдружились чуть ли не до гроба и до победного. Отлично сработались, частенько зависали в барах после трудовых будней и ходили вместе на тренировки. С Димкой, моим тренером, она, кстати, тоже тусила, ещё до меня. И тоже считала его говном.

В противоположность мне Надя была урождённой брюнеткой с прямыми волосами, немного худее меня, с идеально тонкой талией и широкой улыбкой. Она тоже искала своего единственного, но приличного принца на коне / без коня / лучше с квартирой / чтоб не надо-едал / не ныл и вообще был адекватным.

И, как и мне, счастливая семейная жизнь ей не светила с таким количеством запросов. Но по нашему общему убеждению уж лучше быть одной, чем терпеть того, кого не уважаешь, в своём доме.

Да, в любовь мы с ней верим и в большую, и в чистую. Но мы с ней уже в таком возрасте, что хочется грязной и бурной, и маленькая тоже подойдёт при умелом обращении. А вот без уважения уже не выкатить.

Станислав Аристархович скорбно пожевал губу:

– Но хоть его способности-то ты проверила? Или только опозорила?

Сильнее, чем я покраснела, может разогреться только нос у алкаша от сорокаградусного стимулирования.

– Проверила, конечно. Если есть какие-либо, он их всё равно будет отрицать. Без сильного стресса не откроются. Ещё и сумасшедшей обозвал! Может быть, как меня...

– Нет, Петропавлова, «как тебя» – это он заикой останется. Ты морально подготовлена была к явлению потустороннего. А у Котёночкина непробиваемая стена будничного материализма. – Начальник почесал лоб двумя пальцами, большим и указательным, растрепав себе и без того лохматые брови. – Таким образом, вы не справились с первым заданием на вербовку. Это печально.

– Никто бы с ним не справился! Зато я русалок успокоила. Обещали больше к ныряльщикам не лезть.

- Это ты молодец. Да. Корюшкой накормила?
- Ага, как вы и советовали. На волосы покойных заклала и пообещала через неделю ещё принести.
- Что? Мы их теперь на иждивение к себе посадим?!
- Но как же, Станислав Аристархович! Они же голодные! Грустные!
- Они рыбу едят, Василиса?
- Едят.
- В заливе живут?
- Живут.
- В заливе рыба есть?
- Есть.
- А почему они её из залива не ловят?
- Говорят: тухлая и невкусная. Догод тину поднял, и вся рыба в ужасе.
- Ты корюшку им из того же залива принесла, Василиса!
- Так это... – Моя мозговая деятельность внезапно обесточилась. И, кроме русских народных напевов, ничего в голове не осталось.
- Ленятся они, Василисушка! Жопки свои хвостатые от дна оторвать не хотят! А ты у них на поводу пошла, и отделу дефицит бюджета обеспечила.
- Я исправлю всё.
- И как?
- Задумалась, так как мозговая деятельность всё ещё пасовала. Из возможных вариантов был только один: привезти к русалкам новых покойников.
- Начальник посмотрел на меня, покачал головой и сверкнул клыками. Это означало, что он разозлился и сейчас какую-нибудь пакость учудит:
- Сегодня пойдёшь к Чижику-Пыжику выпрашивать! А через неделю с защитой – к русалкам вести переговоры.
- Что?! Я?! Ну, Станислав Аристархович!!! Мне ещё отчёт писать и полицейскому вашему отправлять!
- Ты там «Войну и мир» собралась переписывать? – Но под моим раскаявшимся взглядом сжалился: – Хорошо, завтра.
- Завтра суббота!
- У нас план, между прочим, Петропавлова! – сверкнул жёлтыми глазами начальник, напоминая о том, что он Дракон. Тут же ощутила, как на западное полушарие мозга начинает давить сила внушения.
- Станислав Аристархович особенно не злоупотреблял своими способностями, но, когда злился, сдерживать их не умел.
- Копию отчёта мне на стол. И не вздумай писать полиции о русалках. Чего доброго, в психушку упекут!
- Оставшийся день потратила на сочинение сказки о трёх утопленниках.
- Мол, было их три брата, решили отметить единственный день ясный в Питере (праздник великий, да редкий) и выкусить-закусить. А потом и обмыться в воде проточной. Ибо своя-то на плановом отключении уже месяц. Но налетели ветра буйные, тучи свирепые, закрутили течения подводные добрых молодцев да и утопили. Смерть естественная, но дно бы в заливе почистить надобно.
- Начальник прочёл сочинение вслух, похрюкал, скрывая веселье, и велел отправлять.
- Если и на это не клюнет, точно не наш парень, – добавил, затачивая когти на руках алмазным напильником.
- Выйдя с работы, поняла, что опустошена и физически, и морально. Возле машины заметила странную тень на стене. По форме очень на бокал похожую. С вином.

Бокал кивнул.

Так-так-так.

Набрала номер Надьки, которая утром опять укатила в Мариинку вылавливать призрак Матильды Кшесинской. Балерина срывала спектакли и слизывала икру с бутербродов в театральном буфете. Уже несколько недель пытались её выгнать, но всё время что-то мешало: туристы, свидетели, спектакли.

Эх, меня бы отправили.

Не факт, конечно, что я бы сама на спектаклях не подвисала. Вы же знаете, в Мариинский театр купить билет может только человек с суперустойчивой финансовой стабильностью. Ну или ещё кредит взять можно. Поэтому я за себя не отвечаю, но со мной потусторонние сущности удивительно хорошо идут на контакт. Будто знают, что я люблю поболтать. Я и призрака любого разговариваю, и скульптуру, желательно одетую, а то понаставят античного искусства без неглиже.

– Сходи со мной в «Теслу»! – взмолилась я на расслабленное Надькино «Алло». Если взяла трубку, значит, уже антракт или спектакль закончился. А после хорошей постановки подруга всегда в отличном настроении. – Мне Город прямо намекает, что пора передохнуть.

Думала Надюшка не больше пяти секунд. Она и сама расстроилась из-за моего провала да над сказкой поржала, так что долго уговаривать её не пришлось.

– Только, чур, Толяна не выпускаем! – пригрозила мне подруга.

Ну нет так нет. Не собиралась даже. Но там как вечер пойдёт...

Мой любимый бар на Рубинштейна – «Тесла». В честь знаменитого учёного. И интерьер там соответствующий: немного дерева, много металла, обилие ламп, даже диджейская стойка в стиле стимпанк с множеством труб и шестерёнок мелькает разноцветными огнями. А в баре по полупрозрачным каналам, что тянутся от пола к потолку, текут алкоголь, соки и кока-кола.

На меню нарисован Никола Тесла, и ассортимент тут соответствующий: «Латекс и предубеждение», «Трям, здравствуйте!» и «Кировский завод» – мой любимый. Ванильный ликёр, виски, лимончик. Уmmm!

– Главное, больше трёх не бери! – Надькин отрезвляющий голос оторвал меня от изучения барной карты.

И я с сомнением заглянула в горячие безалкогольные напитки. Кроме кофе с амаретто, там ничего не привлекало.

– Может, сразу шотов и завтра на работу не пойдём?

– Завтра суббота! И так не пойдём! – широко улыбнулась подруга.

У неё просто очаровательная улыбка, хотя сама она её стеснялась из-за щербинки между передними верхними зубами. Ни я, ни её мужчины этого не замечали, но сама Надька собиралась с силами поставить себе брекететы. Останавливало её только устаревшее предубеждение, что эти железяки пригодны лишь для подростков. И сколько мы с ней ни спорили, к положительному решению так не пришли.

– Как-то тут тухло, – проныла я в лицо Николе Тесле, который, к моему разочарованию, ничего не ответил. А я уже привыкла, что со мной все разговаривают. А тут даже портрет учёного игнорирует.

– Вась, заканчивай страдать! Я тебя сегодня даже угощу! – Надя потрепала меня за щёку.

– Я взрослая, самодо...

– Знаю! Но могу я порадовать подругу?

– Ну, если ты настаиваешь... – Подумав, я согласилась. Хотелось немного отвлечься, получить порцию позитива.

В «Тесле» всегда была хорошая музыка. Что-то из новомодно-веселого. Совершенно не в моём вкусе. Но в сочетании с повышенным вниманием со стороны бармена и позитивом, распространяющимся от подруги, я и сама начала потихоньку оживать.

Музыка стала громче, цвета ярче, кажется, даже пульс ускорился.

Но это может быть оттого, что в дальнем углу зала я заметила очень знакомую фигуру.

«Циник, скептик, атеист. Разведён. Бабник, в серьёзных отношениях в последний год не замечен...» – вспомнилась цитата из досье.

Клим Котёночкин сидел за столиком в углу вместе с ещё двумя парнями – кажется, тоже полицейскими.

Сегодня он был одет в белую футболку, подчеркивающую аномальную для города мускулатуру. Обычные парни в Питере все поголовно чахлые, бледные, доведённые постоянным насморком до синих кругов под глазами. А этот цветёт и пахнет! В свете барного освещения его белая футболка флуоресцировала, притягивая взгляды. Совпадение? Или знает мент, как выпендриться?

– Какой красавчик! – воскликнула Надька и замельтешила к нашему столику подправить причёску и макияж.

– Подбери слюни, это тот самый «потенциально видящий», но непробиваемый мент, – буркнула, негодуя на нелепое совпадение.

И угораздило же его прийти именно в мой любимый клуб, именно сегодня, именно спустя сутки после того, как я его неудачно завербовать пыталась.

Случайностей не бывает, бывают закономерные издёвки Вселенной.

Потому что Клим заметил меня и даже помахал рукой.

– А почему он идёт к нам? – заинтересованно спросила подруга.

– Опять наорать на меня, наверное...

– Доброго вечера, красавицы!

Фигура у Клима, конечно, сногсшибательная. Нас с Надькой снесло наповал.

Если не брать в расчёт, что он законченный бультерьер, натасканный на ненависть к женскому полу, и просто паскуда, я могла бы им заинтересоваться.

– Позвольте присоединиться?

– Нет! – Моё настроение, которое мы с подругой так старательно вытаскивали на поверхность, снова потянуло в бездонную пропасть апатии.

– Да! И друзей своих зовите, – перекричала меня Надя, и Клим услышал то, что хотел. И даже своих коллег притащил.

Если честно, мне такие решительные мужчины всегда нравились. Наглые, резковатые, есть надежда, что подобный склад характера сможет победить мою чрезмерную самостоятельность. И если вчера меня наглость полицейского нервировала, сегодня она казалась уместной и даже очаровательной.

– А вы чудесно выглядите! – высказался он, вольготно устроившись вместе с друзьями за нашим столиком.

Непонятно, кому говорил, мы обе с Надей, как обычно, выглядели на все +100500!

Я в идеальном белом платье-футляре с глубоким декольте. Пришлось даже подвеску бабушкину сменить на украшение с жемчугом. Волосы выпрямила и оставила распущенными. Надя была моей полной противоположностью: чёрное мини-платье, чёрные волосы и чёрные глаза. Королева ночи просто.

Мы таким тандемом не один десяток мужчин положили. Судя по блеску в глазах подсевших полицейских, счёт этот можно пополнить. Друг Клима – какой-то совсем уж молодой парень, лет двадцати пяти, не больше, он отчаянно краснел под моим суровым наблюдением. Я, когда не в настроении, дрова могу рубить взглядом.

– Благодарю, – щебетала Надя, бессовестно флиртуя с майором юстиции.

Сегодня Клим казался разговорчивее и добрее. Не кидался сразу с обвинениями в безумии, а внимательно слушал наше с Надькой щебетание.

Может быть, вот он, мой шанс завербовать новичка?

Но Клим опередил меня и огорошил, разом перевернув весь вечер с ног на голову:

– Василиса, я хотел извиниться перед вами за вчерашнее... Вы совсем не сумасшедшая.

А очень необычная девушка.

Да ладно!

Передо мной Бог подкатов! Нельзя так с женщинами, мы же не стальные. Почти залпом допила коктейль и расплылась в довольной улыбке:

– Я тоже не права, напугала вас, но я могу объяснить всё, что говорила!

– Я получил отчёт, спасибо, – хмыкнул полицейский.

А Надька заволновалась:

– Нет-нет, о работе в другой раз. Вот завтра встретитесь и поговорите! И вообще, слышите, моя любимая мелодия!...

Но танцевать медленный танец Клим позвал всё-таки меня. Подруга сверкнула глазами, но по негласному договору за мужиков мы не дерёмся. Вот ещё, тратить на них свои нервы и дружбу!

Руки у Климата оказались тёплыми и мягкими, шаг плавным, но я тут же отметила для себя, что мужчина мелковат. На каблуках я выше его сантиметров на семь. Да и двигается не очень хорошо, сразу видно, больше тяжести таскает, чем бёдрами виляет.

– И кто только сегодня ставит медленную музыку? – решила прервать своё внутреннее ворчание.

– А мне нравится. – Полицейский прижался ко мне плотнее и улыбнулся. И действительно, хорошо! – Вы знаете, насколько неожиданная наша встреча? Может быть, это судьба?

Я не выдержала и рассмеялась. Ну, право слово, приём древнее динозавров, но как же приятно. Внимание Климата льстило, казалось, он готов искупить все ошибки вчерашнего дня.

Лёгкая отросшая щетина щекотала мне щёку, мужчина сжимал руку и тихо направлял в такт музыке. Спокойно и нежно, будто так и должно быть.

– Как ты нашёл нас?

– Тебя. Я искал исключительно тебя... – пробормотал Клим, склонившись к самому уху. Мы двигались всё медленнее, ближе и плавней. В конце концов, просто остановились, чуть покачиваясь, напротив мигающей стойки диджея. Россыпь разноцветных огоньков на лице полицейского придавала ему особую романтическую загадочность. – Я искал тебя всю жизнь.

Он уткнулся мне в сгиб шеи, щекотно и одновременно мурашки по коже. Не смогла сдержать ехидного:

– Чтобы нюхать?

– И это в том числе. – А голос настолько хриплый, что кажется, будто мы не в баре, а уже в спальне. И свечи погашены, вино по бокалам, осталось лишь дело за малым...

– Ладно, прости, что вчера вывела тебя. Я не специально. В аварию попала, настроение было ни к чёрту, – призналась, ощупывая мышцы на спине мужчины. Мм... даже слов нет, одно удовольствие.

– Ты была прощена в тот момент, как я тебя в этом платье увидел.

Вернулись на мягкие диваны весёлые и довольные друг другом, в дымке флирта и симпатии. Клим всё больше покорял меня своими топорными подкатами, это было так прозрачно, но в то же время мило!

ГЛАВА 5. Поставь потише будильник...

Клим

Чёрт бы побрал эту курицу белобрысую, что вчера заставила нас всех ждать под дождём три часа. Вечером на ковёр к Авсейкову с докладом я не успел, к Лизке-трупорезке тоже опоздал. А хотел переговорить, ну и отдохнуть немного. Совместить приятное с полезным, так сказать.

А вот теперь с утра я с прискорбием смотрел на отдавшие богу души расклеившиеся кроссы, которые вынул из сушилки. Где-то, конечно, валялись старые, но их искать надо. А я проспал и теперь ни черта не успевал. Порылся в шкафу, выудил туфли и помчался на работу.

К моему приезду на столе уже лежали заключение по вскрытию и справка из паспортного стола. И Лиза, и ребята поработали на славу. Санька с Ромашкой отправил по адресам, к родне утопленников. Есть шанс, что, застав врасплох, получится выудить из близких погибших что-нибудь полезное.

Лизкино заключение оказалось до жути банальным. Утонули, предположительно, в этом водоёме, точнее скажет экспертиза воды из лёгких. Скорее всего, сами, потому что ни следов борьбы на телах нет, ни синяков, ни кровоподтёков, ни эпителия под ногтями. Следов от веревок ни на коже, ни на одежде нет, значит, их не связывали и не топили с камнем на ногах. На берег их тоже вынесло приливом и уложило рядком.

Поморщился, вспомнив чушь про русалок от вчерашней консультантки, и скривился, когда отворилась дверь и секретарша Зоенька пригласила моё тело к начальнику для отчёта. А о чём можно отчитаться, если ещё нет толком никакой информации?!

И я пошёл, ведь Авсейков ждать не будет.

Но оказалось, что жаждут меня видеть вовсе не по вопросу утопленников. Адвокат одного очень авторитетного человека затребовал моей аудиенции в присутствии моего руководства, дабы вывести меня на чистую воду по вопросу взяточничества и вымогательства.

Пел адвокат красиво, опираясь на букву закона, давил на честь и совесть, угрожал, страдал, а после тут же предложил наиболее выгодные для него пути решения проблемы. Только не учёл он одного: что разработка его подзащитного велась давно и не только моим отделом, план операции начальством одобрен, факт дачи взятки был зарегистрирован. Так что со всех сторон я подстраховался, ибо умный, и повышение в этом году хочу и звание новое. Мне играть в честь и достоинство не с руки, для этого у меня молодёжь есть в отделе, которая всё ещё верит в высокие идеалы и мораль.

Несмотря на то что я молодец, помурзил адвокат меня знатно, потом ещё и товарищ-начальник сверху добавил и за перса этого с адвокатом, и за трупы утопленников, и за план.

А после обеда я получил отчёт от консультантки, и в кабинете грянул гром... Точнее, смех. В принципе, суть та же, что и у Трупорезки, но ересь про отключенную воду в квартирах и солнечные дни в Питере мы читали всем отделом, завывая и похрюкивая.

– Ей в стендап надо. Порвёт зал, – высказался Санёк, который вчерашнюю блондинку толком не рассмотрел, потому что был занят опросом свидетелей.

– Ей бы в стрип-клуб. С такими ногами, – мечтательно протянул Ромашка, тот ещё ходок и любитель прекрасного пола.

Я попеременно прикинул Василису Анатольевну на сцене в роли комика и в роли танцовщицы и признал очевидное: несмотря на бешенство вчерашнего дня, на её идиотские речи про корюшку, на шесте блондинка мне нравилась. И даже больше, чем просто нравилась.

– Харэ ржать! – рявкнул я неожиданно даже для себя, так громко, что ребята в изумлении уставились на меня. – Делом занялись, а не баб обсуждаем!

– Так ведь не баб. – Роман опять не понял намёка. – Одну конкретную! – мечтательно протянул парень, а я уже придумал сто один способ его убийства.

Надо что-то решать с личной жизнью. После Евы, последней официальной любовницы, я так никого и не нашёл, все не дотягивают до стандарта красоты. Да и намучился я с этой красотой, если честно. Но перерыв в два месяца отрицательно сказывался на моём психологическом здоровье.

Что-то меня корбило во всей этой ситуации. Объяснить словами не мог, но как будто мозжечок чешется, или кто-то рядом по стеклу пенопластом водит, а у меня волосы на руках дыбом встают. И главное, не отпускает. Ни слова про русалок из головы не выкинуть, ни отчёт этот ржачный не забыть. Теперь ещё и видение блондинки в розовом микроскопическом купальнике на барной стойке не стереть.

К вечеру ухайдакался так, что решил вознаградить себя походом в бар, пропустить рюмку-другую, подцепить, возможно, краю на ночь, а если хорошо пойдёт, то и на выходные. Что-то звало и тянуло в сторону Невского проспекта, конкретней – на Рубинштейна, как оказалось. Потому что стоило открыть «Яндекс.Карты» для поиска подходящего места, как маршрут уже построился до незнакомого бара.

Мой навигатор читал мои мысли – приятно! Даже отзывы не посмотрел, если будет плохо, пойдём в соседнее заведение, их на этой улице в каждом доме по три штуки. Определился, позвал с собой ребят, обрадовался, что так удачно ботинки неудобные нацепил.

И надо же было такому приключиться! В первом же баре, где мы так козырно приземлились с Саней и Ромой, обнаружилась вчерашняя экспертша. Я её с ходу и не признал.

– О, Клим, смотри, – завопил Санёк, перекрикивая музыку и теряя интерес к девушке за соседним столиком. – Это разве не накаблучная Василиса Анатольевна? Похожа...

Я обернулся и чуть не подавился слюной от прилива чувств. В белоснежном платье, что, как вторая кожа, облепило фигурку, томно посасывая коктейль из трубочки, за барной стойкой сидела Петропавлова. Та самая, которая вчера вызывала у меня зубную боль и бесила до кровавых пятен перед глазами. Сегодня же её фигура с пышными бёдрами и высокой грудью напоминала мне гитару. И так манила сыграть на ней что-нибудь совсем уж порочное. Я сглотнул и попытался прикинуть, с чего такие изменения в моём организме, но девушка соскочила со стула, покачивая бёдрами, как маятником, прошла по проходу и приземлилась за столик. И если я был сражён её видом со спины и сбоку, то глубокое декольте – просто контрольный в голову.

– Так, братва! Девушка эта – МОЙ консультант. Рот на неё не разеваем. Усекли?!

Саня хохотнул, но согласно кивнул. Ромка театрально вздохнул:

– Ну почему такая несправедливость? Если работа, то нам, молодым, а если женщина красивая, то вам, старичкам?!

– Я тебе дам, старичкам! Я тебе в тире покажу, кто кого. А сейчас подхватились и за мной. Чего время терять? Надо идти на сближение!

Василиса выглядела открытой и весёлой, добродушной и просто божественно неприступной. Но я знал, как прошибать снежных королев: протянул к ней руку, взял за пальчики и признал:

– Ты была прощена в тот момент, как я тебя в этом платье увидел.

И опять совершеннейшая правда. Почему в голову лезут тупые банальности?! Клим, приходи в себя, тут нужна артиллерия помощнее!

Я ревностно проследил за тем, как Василиса шла по проходу в сторону клозетов, чтобы, так сказать, припудрить носик, а половина мужиков в баре синхронно поворачивали головы в её сторону.

Официант только принёс новую порцию коктейлей, как Наденька, подружка Василисы, вздохнула:

– Хороший ты парень, Клим. Только лишнее это. Василисе много пить нельзя, Толян активизируется.

– Кто? – Меня пробрало любопытство. У блондинки есть парень?

Брюнетка закрыла лицо руками и безудержно заржала:

– У Василисы отчество – Анатольевна. Когда выпьет, становится неуправляемой, и мы её Толяном обзываем. Ну знаешь, такое... – Надежда замылась на мгновение, раздумывая. То ли не хотела выдавать подругу, то ли не знала, как предупредить меня поаккуратнее. – Васька – женщина взрослая, умная, сдержанная. Во всех отношениях положительная. Мечта, а не женщина, точно тебе говорю. – Она начала рекламировать подругу издали, но с фантазией подошла к этому вопросу. – Сектор приз на барабане! Но есть у неё два недостатка. Всего два, прошу заметить! – Надя помахала указательным и средним пальцами у меня перед носом. – И девушка начала свой рассказ: – Первый: работа и всё, что с ней связано. Об этом она тебе сама потом расскажет. А вот второй – плохая привычка гулять на всю катушку. При этом раньше я считала эту привычку хорошей: выпив, Василиса становится более общительной и дружелюбной. А потом я увидела Толяна.

Толян – это тот, кто просыпается в Васином организме после третьего коктейля. Сильный алкоголь она принципиально не употребляет, боится устроить третью мировую. Так вот, если она выпьет больше положенного, то становится абсолютно неуправляемой, непредсказуемой и немного опасной для окружающих.

Как-то на отдыхе в Египте, храни его бог от нашего повторного появления, мы перегуляли на all inclusive. Обычно-то Вася себя хорошо держит в руках, но дух безлимита и халявы в тот вечер напрочь выбил границы её самоконтроля. Допив третий и потянувшись за четвёртым коктейлем, она лучезарно улыбнулась бармену, перелезла к нему через стойку и попросила:

«Уважаемый, прекратите разбавлять мои коктейли водой, а то я прям чувствую, что мне недоливают!»

Девушка ещё не закончила, но на этом месте я уже начал покатываться со смеху.

– Бармен был вынужден согласиться со всеми обвинениями, так как она уже стояла у него над душой и дотошно контролировала каждую каплю.

– Бедолага.

Я повернул голову в сторону танцпола, уже волнуясь о Василисе. Заблудилась она в местах очищения, что ли? Или кто перехватил по пути? Шепнул подслушивающему Саньку, чтобы сходил за дамой, на что парень возмутился, но покорно пополз сторожить дверь женского туалета.

Надя тем временем продолжала:

– Мужчина, видимо, подумал, что она с ним заигрывает, не выгнал. Но уже через пару минут очень пожалел о том, что мы прилетели в его бедный египетский город и конкретно в этот отель.

На этом месте меня уже пробрало на ха-ха так, что я еле держался. Представить тонкую, гибкую и такую сексуальную Василису под кличкой Толян без смеха не получалось.

– Ты смейся-смейся. История вышла – будь здоров! Для начала Толян возмутился, почему это музыка в баре такая беспонтовая. И потребовал переключить шарманку на «Ленинград», «Арию» или «Короля и Шута». Когда такого в арсенале египетского диджея не оказалось, Толян заявил, что это наглое «попирательство» широкой русской души, выгнал диджея из-за пульта и принялся мутить музыку самостоятельно.

При этом надо было видеть лицо диджея, ведь Толян подошёл к нему вплотную, обнял и томно выдохнул в губы, моргая подкрученными ресницами: «Можно я поменяю трек?» Диджей, ясное дело, согласился, да он выдохнуть не мог, застопорившись на границе её короткой юбки, куда его ладонь нечаянно упала.

Но как только Толян получил согласие, он выпихнул мужика и врубил Rammstein. И приказал всем танцевать на барной стойке. Именно «приказал»! Потому что были те, кто отказывался. Это были чопорные англичане и немцы. Наши-то первыми запрыгнули на барную стойку и начали отжигать.

Здрavo рассудив, что весело должно быть всем, Толян затолкал наверх и диджея, и официантов, и даже уборщика шваброй загнал. Последний в итоге зажигал круче всех, показал парочку отличных движений и бомбический пресс под футболкой. Он даже начал раздеваться, а его неожиданные фанатки принялись пихать ему доллары в трусы. Ну, это я так, к слову вспомнила, – быстро добавила брюнетка.

А мне показалось, что доллары в трусы они с Васькой-Толяном засовывали вдвоём наперебой.

– Так вот, вроде всё было прекрасно, весело. Единственное, чего не учёл Толян, что столпотворение на стойке может привести к массовому падению особо нетрезвых личностей. Собственно, и падать он начал первым: пить коктейль и танцевать, стоя на баре всего одной ногой, второй опираясь в пальму, очень неудобно, особенно если ноги обуты в туфли на неустойчивых шпильках. В итоге коктейль полетел в лицо очередному ухажёру, а тело Толяна полетело вниз, нелепо бороздя (не подходит по смыслу) руками воздух. И закончился бы вечер сотрясанием одной очень активной точки, но Толян успел схватиться за близко стоящих к нему людей. Сразу за двоих. Те зацепились за следующих, те за следующих и так далее... Ну ты понял! Палили громко, с матами, но дружно и весело.

Владельцы бара вызвали «скорую» и зачем-то полицию, и Толян решил сменить место дислокации. Взял с собой меня и двух мужиков побогаче, чтоб спонсировали отдых. Тут Толян оказался невероятно прагматичен.

Уже в такси я высказала сомнение: «Стоит ли ехать, не знаю куда, не знаю зачем, но прекрасно знаю, чем это закончится. И это совсем не в нашем стиле. МЫ же девушки приличные...»

Мы-то да. Но Толян – нет! Привезли нас в «налоговой-на-него-нет» какой роскошный отель с понятным намерением покормить... – Тут Наденька поиграла бровями, а я приготовилась услышать слезливую историю о том, как их потом выковыривала из борделя вся наша дипломатическая система.

Но всё оказалось более неожиданно! Уж не знаю, кем эта Надежда работает, но в ней явно умер писатель-юморист.

Надя тем временем рассказывала дальше:

– «Отличное решение!» – возликовал тогда голодный Толян, в котором всего-то и болтались четыре безлимитных коктейля. И наел устриц на сорок тысяч рублей, да не в лимонной подливке, а в соусе из чёрной икры.

Мужики были в предвкушении. Толян был сыт и добр, пока про счёт не услышал и про требования, по итогам которых, так и быть, мужики, нас сопровождающие, этот самый счёт оплатят. К сожалению, мужики нас ещё и подпаивали, поэтому мирного разрешения конфликта не получилось.

Толян вскочил на стол и с воплями про русскую душу опрокинул тарелку с остатками устриц на голову одному из мужиков, ещё и носком туфли ему по подбородку заехал. Нечаянно, точно тебе говорю. Мужчина наклонился, просто чтобы тарелку с головы снять, а тут так неудачно дёрнулась нога в туфельке.

Один из наших спонсоров достал пистолет. Самый настоящий. Началась паника, крики, мы под шумок выбежали из ресторана. Решительный Толян не мог медлить, поймал такси и приказал ехать к Сфинксу, потому что он его звал. Не беда, что езды на два часа, что счётчик зашкаливает, что на хвосте два мужика с пистолетами и, судя по всему, нас уже ищет полиция.

Поехали мы к Сфинксу. За несколько часов Васька-то уже немного протрезвела, Толяна затолкала поглубже и смогла расплатиться с таксистом карточкой одного из наших ухажёров. Не спрашивай как!

Но это был лучший рассвет на моей памяти. Сфинкс, знаешь ли, за много веков так устал молчать, а тут мы! Он давай нам загадки загадывать, на жизнь жаловаться, на туристов и вспышки камер.

– Сфинкс? Жаловался?

– Ну да. Нам даже пришлось гуглить, а Интернет в роуминге дорогой! Но неважно! Мы сидели, прислонившись спинами к Сфинксу, и встречали рассвет. А над пирамидами, издали миниатюрно-игрушечными, вставало солнце. Казалось, мы сидим так уже тысячу лет. А потом за нами приехала полиция. И утро сразу перестало быть томным.

– А зачем ты мне всё это рассказываешь? – Я немного откинулся в кресле, так как последние фразы Надька шептала мне прямо в ухо, перекрикивая музыку.

Девушка пожала плечами:

– Просто учти, что Василиса очень необычная. Ты таких ещё не встречал. И никогда не встретишь. – Надя перевела взгляд в зал, я тоже посмотрел в толпу скачущих тел и вздрогнул от вопля брюнетки на ухо: – Да кто её напоить-то успел?! Нет, только не к диджею! Останови её!

Не то чтобы я проникся рассказом Наденьки, скорее решил, что она перебрала немного и так тонко и изощрённо пытается устранить конкурентку. Женская дружба такая, с выдумкой. Но то, как Василиса эротично перегнулась через диджейский пульт, меня напрягло. А липкий взгляд диджея в её декольте и ответная довольная улыбочка послужили ускорителем. Я сорвался из-за стола и ввинтился в танцующую толпу. Через пару секунд увидел, как, задрав юбку и наплевав на приличия, Василиса забирается на возвышение, на котором установлен пульт. Прижавшись тесно к молодому парнишке, сплошь покрытому татуировками, она принялась что-то нащёптывать ему на ухо. Парень отрицательно качал головой, моя блондинка прижалась к диджею теснее. Рома с Саньком стояли поодаль, не решаясь вмешаться. Зато я решил, что пора бы даме проветриться.

Перемахнул через препятствие в виде колонок и каких-то проводов, поймал Василису за руку и притянул к себе. Диджей, освобожденный от тесных девичьих объятий, облегчённо вздохнул и кивнул мне приветственно.

– Эй, бро! Ты пойми, – наклоняясь прямо к уху, заорал парнишка. – Ну не формат это! Совсем!

– О чём речь?

Что именно хотела заказать Василиса, я не знал, но прикинул, что вкусы так быстро не меняются. Так что, скорее всего, «КиШ» или «Ленинград».

– «О боже, какой мужчина», – завопил диджей.

– Я хочу от тебя сына, – на второе ухо отчаянно и фальшиво запела Васька. – И дочку. И точка!

Если бы руки были свободны, я бы сделал жест «рука-лицо». Но я крепко прижимал пьяненькое тельце, опасаясь её побега, поэтому фейспалм за меня изобразил парнишка.

Поняв друг друга без слов, мы кивнули на прощание друг другу, и я потащил Василису к столику. За мной, понурившись, побрёл Санек с недопитым коктейлем в руке.

– Я те ещё припомню, как спаивать чужих дам, – отвесил ему втихаря подзатыльник.

– Так ради тебя старался! – рассмеялся тот, дивясь необычным поведением девушки.

На полпути к выходу впихнутая в плащ Василиса вспомнила, что не отдала Роме зонт, вернулась к столику и, перекрикивая музыку, принялась убеждать, что вернёт, звала пройтись за зонтом прямо сейчас к ней и всячески тормозила наше продвижение на улицу.

Пришлось напарнику провожать нас на выход и по пути убеждать Василису, что зонт прямо сейчас ему не нужен, а вполне можно передать его через меня, ибо мне Роман всецело доверяет.

На пороге блондинка чуть не скатилась по ступенькам до самой Рубинштейна на своих каблучках. Поймал её почти в полёте, прижал к себе.

– Клим! Ты просто Клим Иствуд! – прозвучало громко и восторженно.

Я аж скривился от такого обращения и недовольно спросил:

– Почему это?

– Потому что ковбой!

Василиса оттолкнула мои руки и, чуть покачиваясь, прошла вперёд по Рубинштейна, а я краем глаза уловил, как заржал Саня и сложился на крыльце от смеха Роман.

Мне конец: новое погонялово прилипнет, не отмоешься!

А к Василисе тем временем уже пристал какой-то парень с мерзкой кучерявой причёской и с недвусмысленными предложениями, судя по тому, что она ему между ног заехала.

Я мигом очутился возле моей блондинки и дал незнакомцу понять, что эта девушка не для него.

– Я и сама могу за себя постоять! – заявила Василиса, схватила меня под локоть и потащила за собой: – Вперёд! За зонтом!

То есть я тоже, получается, «за зонтом».

Так и не разобравшись, это секретный пароль какой-то или изощрённый флирт, предложил:

– Может, такси вызвать?

– Да я тут живу через квартал! Вон мой дом. – Она махнула куда-то вправо.

Первая мысль: хорошо, далеко ходить не надо!

Вторая: и часто она к себе мужиков из клубов водит?

Какой-то несчастный квартал мы шли очень долго, но ооочень весело. Встретили дождевого червя и уступили ему дорогу, ступали по плиткам так, чтобы не коснуться трещин. Это особенно было трудно для Василисы с её алкогольной координацией и высоченными шпильками. При этом болтала девушка без умолку. Про ветер, про дома, про ангела на шпилье. История и байки сплетались в её рассказах так, что я уже не понимал, где пьяный угар, а где реальные события.

Возле парадной, когда мы дошли до дома, Василиса долго искала ключи в сумочке. Чертыхалась, перекадывала в карман то пудреницу, то кошелек. Не вытерпел и отобрал сумочку, что по размеру была чуть больше моего портмоне, но по вместимости равна туристическому рюкзаку литров этак на сорок пять. Еле вырыл из бездны разнообразной дряни связку ключей и помог открыть дверь. Василиса, до этого опиравшаяся на стену и молчавшая, качнулась на каблуках. Еле поймать успел. И то благодаря тому, что амбидекстр и отлично владею левой рукой.

«До чего же я хорош! Девушки так и норовят упасть к моим ногам!»

Хмыкнул от этой мыслишки и потащил Василису на четвёртый этаж. Жила девушка в доме за чугунной оградой с фонариками. И, судя по трём воротам, которые нам пришлось вскрыть, место это очень престижное. Машины припаркованы все сплошь «мерседесы» да «лексусы». Даже один «порш» затесался.

До двери добрались успешно, всего три раза заваливались в спираль лестничной клетки. У меня самого голова закружилась идти по пролёту с огромной дырой посередине. Рай для самоубийц, честное слово.

В квартире посадил уставшую даму на банкетку, помог снять плащ и обувь и благородно собрался свинтить. Ибо не настолько я оголодал, чтобы с пьянью зажигать. Да и законы чту, а секс с лицом, находящимся в алкогольном опьянении, всегда судом рассматривается как изнасилование.

Но я не учёл женского коварства.

Василиса, что без каблуков была почти одного со мной роста, резко подскочила, вцепилась руками в мою футболку и шепнула:

– Клим, ты не можешь уйти, я тебе ещё зонт не отдала.

Опять этот зонт, чтоб Ромашке провалиться на месте!

Взглянул в глаза, голубые-голубые и вроде даже трезвые, и пропал. В них плескалось так много обещаний, замешанных на решимости, и угроз, отдающих приказом. Убойный коктейль! Никто ещё не соблазнял меня зонтом настолько искусительно.

Поцелуй долгий, сладкий, томный, такой неторопливый (ибо куда теперь спешить?), распалил, разжигал, так и манил пройти в сторону спальни. Знать бы ещё, где она, эта спальня?! Васька помогать мне особо и не собиралась. Стянуть футболку – это пожалуйста, а сдвинуться с места – нет. Пришлось делать всё самому: подхватил блондинку под попу и усадил себе на пояс, за пару шагов пересёк коридор и попытался толкнуть дверь, но мне под ноги, истошно шипя, метнулся кот.

Василиса была вынуждена оторваться от моей шеи и зашипела не хуже кота:

– Феофан Валерианович, а ну брысь!

Имечко придурковатое, а выговорила без запинки. А вид у чудища ещё хуже: нечто расрёпанное, чёрное, непонятное.

Кот сверкнул злобно глазами, но с места не сдвинулся, преграждая мне путь. Видимо, он был назначен блюстителем хозяйской чести. А чего уж там блюсти, когда я на пороге спальни, а сама хозяйка очень даже не против честию поделиться.

Я, конечно, сделал последнюю попытку отстраниться, послушаться кота, но Василиса отрицательно покачала головой, чуть прогнулась, прижимаясь ко мне грудью, и последние приличные мысли вылетели из головы.

Отбросил ногой волосатое чудовище и хлопнул дверью прямо перед носом кошки.

Кажется, кот выругался.

Утро началось не с минета, хотя, будем честны, я рассчитывал. Василиса в постели оказалась зажигалкой, манящей, отзывчивой, податливой, как горячий воск! Страстная девушка – мечта прям! Подходила к делу с душой, выдумкой и огоньком. Откровенно восхищалась моим телом, не стеснялась своего, чуть краснела-млела, но наслаждалась по полной.

Проснулся я один и позволил себе поваляться пару минут. А вдруг моя девочка вернётся и мы с ней отлично проведём субботнее утро? Но в спальню стали просачиваться запах свежесваренного кофе и звуки голосов. Я напрягся. Убегать от разгневанных мужей мне ещё не доводилось, и получить свежий опыт я совсем не стремился. Споро влез в джинсы и футболку, которые оказались аккуратно сложенными на кресле вместе с разглаженными носками, и через пару минут был готов встретиться с соперником лицом к лицу. Хотя на всякий случай я посмотрел, что окна комнаты выходят во двор, рядом ни балкона к соседям, ни дерева – без вариантов сбежать, если что.

Подожёл к двери и прислушался. Мужской голос, скрипучий и ворчливый, отчитывал девушку:

– Я тебе сколько раз говорил?! Заведи ты себе нормального мужика. А ты хоть раньше собак да кошек таскала, а теперь кого в дом приволокла?! Он меня пнул! Он же меня вмиг раскусит!

– Феофан Валерианович, не переживайте вы так, – возражал женский голос, вроде Василисин. – Ничего он не поймёт. Он и русалок не рассмотрел.

– Так и хуже, что не поймёт. Ты где такого ущербного взяла?!

– Так в клубе! Вы же сами мне всё время твердите: мужа надо, деток надо...

– И твержу! И твердил! И буду твердить! Негоже девке в твоём возрасте хвостом по клубам мести. Пора уже и замуж сходить! Вот Базиль из третьей парадной второго кутёнка уже нянькает. А я чем хуже? – брюзжал старый дедовский голос.

– Вам, Феофан Валерианович, не угодишь, – взвилась Василиса. – То мужа надо, то пьянь приволокла!

– Да тише ты, дура-девка, чего разоралась?! А ну как этот прохиндей чегой услышит? Как пояснять будешь?

Дальше разговор продолжился на порядок тише, я ни слова не разобрал. Уже не таясь, вышел из спальни и заглянул в кухню в поисках склочного старика, но никого, кроме Василисы, не заметил. Девушка сидела за столом ко мне спиной, чуть согнувшись и подперев рукой голову.

Скромненькая такая у неё кухонька, деревянная, у моей тётки похожая. Только поновее чуток. Занавески с жуткими цветочками тоже какие-то бабушкинские. Кот, моющий посуду и недовольно машущий хвостом. Стоп, где этот склочный дед, требующий внуков?!

Стоп.

Кот? Моет посуду?!!!

Присмотрелся. Нет, кот просто вылизывает лапы.

Вернулся в комнату, прокатился с пятки на носок и нашёл вполне разумное объяснение подслушанному разговору и коту: вчера хлебнул палёнку! Вот с утра и накрыло глюками. Надо умыться, выпить кофе и забыть всё как страшный сон. Ну... не всё! Василису забывать не стоит. Телефончик возьму, буду позванивать иногда: и мне хорошо, и ей приятно.

С этой здравой мыслью я повторно вышел из комнаты и наткнулся на крадущуюся по коридору девушку в миленьком домашнем, розовом, естественно, сарафанчике с чудным орнаментом. По всему сарафанчику красовались скелеты в разных позах Камасутры.

– О, а такую мы не пробовали. – Я ткнул пальцем в парочку любвеобильных скелетов на её груди. Вася взвизгнула, кот зашипел, а я сцапал девушку в охапку и поцеловал. – Утро без поцелуя не бывает добрым, – заявил со знанием дела, когда пришлось прервать приятный процесс. Уж очень он затянулся, а мне бы позавтракать.

Вася медленно возвращалась в себя после страстного поцелуя, отступила, поправляя сарафан на груди (а я и не заметил, как лихо оголилась приятной пышности округлость), отступила еще на шаг и наступила на хвост своему чудищу. Вой поднялся страшный, Вася бегала кругами и причитала, кот сидел с видом оскорблённой жертвы и сверкал глазами, но больше на меня, чем на хозяйку, а я направился в ванную.

И надо же было такому случиться! Кран, державшийся до этого, видимо, на честном слове, слетел к чёртовой матушке, обдавая меня горячей водой.

– Ну вы, Феофан Валерианович, и прохиндей! – раздалось возмущённое из коридора.

– Ну должен же я проверить его в деле. А то, может, он только и горазд, что в спальне с девками стонать погромче да есть повкуснее.

– Да что вы себе позволяете?! – громким шёпотом ругалась Василиса. – Подслушивали?

– Пффф, ты голосила громче мартовской кошки, все соседи слышали. Что тут подслушивать! – скрипуче рассмеялся голос в коридоре... Точнее, в моей голове.

А вода хлестала через край раковины, вытекая на пол, намекая на то, что я не по-детски вчера надрался, а теперь с утра туплю и брежу.

Василиса ворвалась в ванную, открыла вмурованную в стену дверку за стояком и попыталась закрыть вентиль.

– Отойди. – Я вытащил девушку из лужи воды и посадил на стиралку, снял мокрую футболку и перекрыл воду. – Инструмент в доме есть какой-нибудь?

Василиса кивнула и махнула рукой в сторону кладовки.

Пока я чинил кран, девушка скрылась в спальне и не выходила всё то время, что я был в ванной. А когда вышла, то неувовимо, но очень ощутимо изменилась. Словно её подменили.

ГЛАВА 6. Вчерашний дождь

Василиса

Переоделась, привела себя в порядок и надела бабушкин кулон, который сняла перед походом в бар. Как только медный овал соприкоснулся с кожей, сразу же почувствовала себя решительней и сильнее. Будто броню надела железобетонную.

Всё-таки наблюдалась некая растерянность от того, что у меня в постели проснулся Клим, а я не помнила, как он в ней оказался. То есть, конечно, помнила, но как-то не очень подробно, и слишком энергично дело пошло. Я обычно разборчивее в связях, да и мужчин предпочитаю более обходительных.

Клим прекрасно видел моё вчерашнее состояние и мог бы вести себя приличней.

– Клятвенно обещаю больше не пить! – пообещала Феофану Валерьяновичу.

Домовой, сидевший на шкафу, свесив лапти вниз, хмыкнул и закатил глаза к потолку:

– Ты уже обещала раз пятьсот. Надо чем-то дорогим поклясться, чтоб уж точно сбылось!

– Может тем, что вы перестанете сантехнику ломать, чтобы мужиков залётных приманивать?!

Феофан пробурчал нечто похожее на «Мне лучше знать, на что селяне клюют», сноровисто спрыгнул на пол и пошёл домывать посуду.

Клим, как ни странно, уже починил смеситель и, довольный, стоял, прислонившись к стиральной машинке, крутил разводным ключом, демонстрируя прекрасные бицепсы.

Он и в растрёпанном состоянии был ужасно красив. Голый торс, джинсы в мокрых пятнах. Мой типаж, характер чужой. И это разозлило ещё больше:

– Спасибо. – Я забрала инструмент и добавила, больше утвердительно: – Тебе, наверное, пора.

Мужчина немного растерялся, но вежливо отказался:

– Нет, суббота же. Некуда спешить, до понедельника я совершенно свободен и готов разделить с тобой завтрак.

Ужас сковал меня с головы до пяток. Это я от него ещё два дня не избавлюсь?! И кормить буду?! Вот он – приворот сантехнический в действии!

– А у меня ничего нет... – я попыталась возразить этой красивой, но наглой мужской улыбке.

Мне срочно надо выставить Клим! Сейчас же! Чтобы собраться с мыслями, проверить, не натворила ли я вчера ещё каких-либо бед, и просто прийти в себя. Мне нужно побыть одной хотя бы минут сорок: голову помыть и масочку нанести против отёков, патчи наклеить, в ванне полежать и... Тысяча дел, а тут мужчина посторонний под ногами путается!

Но на кухне предатель Феофан уже поджарил яичницу с беконом и вовсю ею шкварчал. И шкварчал очень вкусно, так что слюни потекли даже у меня. А Клим просто отодвинул моё тело в сторону и прошёл на запах, оглядел разложенную по тарелкам (ТРЁМ!!!) еду и восхищённо выдал:

– Василиса, ты мечта любого мужчины!

Сел и принялся жрать. Именно «жрать». Не опечатка. Быстро орудуя вилкой, Клим проглотил свою порцию за три секунды и принялся за порцию Феофана.

– Если твой потолок мечтаний – кухарка с задатками посудомойки, то это не ко мне! – фыркнула я на показательную демонстрацию восхищения. Не кормят его, что ли?

Хотя домовой готовит божественно, это я признаю. У него обычная глазунья выходит так вкусно, что язык проглотить можно вместе с зубами.

Но Клим умудрился выдать новый комплимент. Даже глупее предыдущего.

– Ты ещё и в постели сногшибательна!

– Ты во всём хороша! – поддакнул Феофан, незаметно поправляя шторы.

А я в ужасе уставилась на него. Клим, конечно, невидящий, но при живом-то человеке так палиться опасно! Для майора это должно было прозвучать протяжным «мяу», но по глазам гостя поняла, что-то он услышал.

Но ещё больше возмутило, что за мной постоянно следят! Я взрослая, самостоятельная женщина, а мне даже отдохнуть приватно нельзя.

Орать на домового при Климе я не могла, поэтому огрѐб гость:

– А ты мог бы вести себя как джентльмен и просто довести меня до дома! Оставаться и пользоваться ситуацией было необязательно.

Действительно обидно. Зачем сразу лезть в постель? Где цветы, где ухаживания? Что за примитивный мужик пошёл?!

– Так... – Клим отложил вилку, тем более что порция Феофана закончилась, а в третьей тарелке уже я ковырялась. Вытаскивала поджаренное сало. И знает ведь, что ненавижу эту гадость! Специально положил, кошак лохматый! А мужчина сложил руки на груди и сказал: – Я вообще спрашивал... разрешения уйти. И ты ЗАСТАВИЛА меня остаться.

– Вот уж бред-то. Скажи ещё, что я тебя изнасиловала!

– Практически!

– Ты не принимаешь отказов, когда выпьешь, – хмыкнул Феофан.

И я не удержалась – метнула в него тапок. Чёрный кот зашипел и гордо удалился из кухни. Налысо побрею скотину.

– В таком случае примите мои искренние соболезнования, – процедила я, чувствуя, что ещё немного – и задущу Клима голыми руками.

Хоть бы вид сделал, что сожалеет!

Нет же, сидит, лыбится, сияет начищенной раковиной.

– Да мне понравилось! – отмахнулся ковбой, встал, подошёл ко мне, обнял и проникновенно спросил: – Сделаешь кофе?

Я ему ещё и кофе должна делать?!

Могу в зубы дать, могу апперкот сделать. Выбирай, красавчик!

– У тебя пять минут, чтобы уйти из моей квартиры.

– Да что с тобой? – опешил Клим.

– Не люблю незваных гостей.

Мужчина отпрянул, будто его током ударило. Сузил глаза до мелких щелок.

Я сжала в ладони кулон и встретила с Климом взглядом. Его серые глаза подавляли своей уверенностью и сканировали насквозь. Представила, как майор допрашивает подозреваемых в застенках участка, заставляя их признаться в том, чего они не совершали. А потом безжалостно приговаривает к пожизненному.

И я не преступница, и повесить на меня ничего не получится. Это нормальная жизнь, а не участок!

– Да пошла ты, дура сумасшедшая! – процедил Клим, надел свой плащ и ушёл, хлопнув дверью.

А зонт, главное, оставил. Тот самый, из-за которого ко мне домой и проник.

Я нахмурилась и вопросительно посмотрела на Феофана, который в образе кота возлежал в коридоре.

– Ты вслух про «преступницу» и «повесить» сказала, – флегматично пояснил домовый.

Выходные прошли под знаком самобичевания. Я с трудом, но восстановила картину вечера, посетовала на слабый организм, отказывающийся вести себя адекватно, и окончательно разругалась с Феофаном.

Во-первых, какое право он имеет защищать посторонних мужиков, когда я на них злюсь?!

Во-вторых, Клим меня душой обозвал!! Хам! А домовый его оправдывает. Это возвращает нас к первому пункту.

Надька позвонила, довольная донельзя. Радостно сообщила, что очень мной гордится, да и вообще замечательного мужика я себе отхватила.

– Он меня душой обозвал, – остановила я хвалебные оды Котёночкину. Да и фамилия у него дурацкая! И имечко отстойное.

– Это с чего?

– Я его выгнала.

– А ты это чего, Вась?

– Сама не знаю, обидно так стало за... Даже не знаю... за всю нашу женскую судьбу. Понимаешь? За то, что не ставят нас мужики ни во что! Не уважают! Пользуются! А мы, дуры, верим им!

– То есть правильно обозвал... – подытожила Надежда, мой компас земной в этом мраке безнадежной рутины. Но сегодня сбившийся.

– Я сейчас трубку брошу.

– Ну сама посуди, ничего страшного не произошло, – тоном заправского психолога забубнила в трубку подруга. – Вы же взрослые люди. Провели вместе ночь. О'кей! Не понравилось – до свидания. Понравилось – отлично, так держать. Чего крыситься?! Ты же обычно позитивней ко всему относишься! Помнишь, как мы крыс в канализации ловили, наевшихся зачарованных книг из Маяковской библиотеки. По колено в говне измазались, а потом сидели и слушали, как они нам поэмы читают? Так ни одну и не поймали, и премии нас лишили. А ты им ещё скормила текст с песней «Арии» «Я свободен» и обещала всю «Красную плесень» принести.

Я вспомнила. Было дело. Было весело. Крысы умудрились съесть берестовые таблички с заговором на быстрое запоминание, спрятанные в полу читального зала. В библиотеках такие иногда ставят, чтобы посетителям изучение нового материала легче давалось. Пока ты в стенах здания, увиденное, записанное намертво въедается в мозг и воспроизводится легче лёгкого.

Крысы погрызли ещё пару томиков Пушкина и Есенина, поэтому, когда мы их нашли, чинно сидели полукругом и растягивали «Руслана и Людмилу» писклявыми голосочками, а один даже пытался повеситься на собственном хвосте. Видимо, именно он биографию Есенина умял.

Мы должны были поймать их и отнести к Станиславу Аристарховичу, чтобы он развеял магию, но так жалко стало портить концерт, что мы всех отпустили.

И теперь совсем иногда и редко, но навешаем канализационное чудо и приносим им распечатки с новыми текстами.

Я как раз подготовила для них «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца» Леонида Филатова. Представила, как зычно будут звучать юморные частушки в сводах подземных клоак, и улыбнулась. Один минус был в этих концертах: возвращались мы уж очень дурнопахнущими, и как ни уговаривали крыс сменить канализацию на зоопарк или хотя бы на зоомагазин, те не соглашались, завывая «Я свободееееен!» ещё громче.

– Даже в говне можно найти шедевр! – подытожила подруга.

И я с ней почти согласилась, но дух противоречия во мне всё ещё был слишком силен, поэтому постаралась не хихикать громко, а прояснить ситуацию, в которой, правда, ещё сама не до конца разобралась:

– Да ты бы его морду довольную видела! Король пикапа двадцать первого века! Бесит.

– Да ладно тебе...

– Нет, я против таких отношений. Он меня оскорбляет, а я должна ему радоваться?

– Хорошо, успокойся, хоть телефон твой взял?

– Нет.

– Блин, вот уж точно придурок! А друг у него ничего, тот, что Саня. Мелковат, конечно... Давай вечером заеду к тебе? А то мне как-то неудобно. Я думала, вы сойдётесь.

– Первое мнение обманчиво.

– Ты его второй раз видела.

– И второе обманчиво.

– Я ему про Толяна разболтала и про Сфинкса.

– Что? Надя... ты...

– Да-да, охрененная подруга, я знаю.

– Буквы те же, но слово другое, Надя.

Возмущение не находило себе выхода. Вот уж спасибо. Я заварила третью на сегодня кружку кофе и кинула аж три пульки сахарозаменителя! Стресс я люблю заедать сладеньким или перебивать спортом. Второе, конечно, полезнее. Первое вкуснее.

Голос подруги приобрёл извиняющиеся нотки. Я почти увидела, как она печально пожимает плечами:

– Ну прости, я ж не знала, что он хамьё!

– Да кто ж такое первому попавшемуся менту рассказывает?!

– Он как посмотрит, сразу во всём признаться хочется!

И это правда, я на себе ощутила. У Клима взгляд очень похож на хмурый прищур нашего начальника. Но Дизверко – дракон, владеющий силой подчинения, а майор юстиции даже русалок увидеть не смог! Откуда у него магия высшего уровня?

– Да я ему чуть про дух Кшесинской не разболтала! – продолжала Надя оправдывать свою вчерашнюю откровенность. – Мы вчера с ней поцапались, она люстру расшатала и зрителей из зала разогнала. Угрожала, что скоро освободится демон из заточения, и вот тогда грянут новая революция и массовые бедствия.

– Чушь какая!

– Ага. «Жизель» нам сорвала.

– Болтушка ты всё-таки.

– Не больше, чем ты! Как настроение?

– Всё ещё на Сортировочной⁵.

– Ну в Шушары⁶ не укатило, и отлично! До понедельника! Не бузи!

– Счастливо. – Я бросила телефон на кровать.

Ну хоть у кого-то вечер удался. Впрочем, мне тоже ночь понравилась, не устроило что-то другое. Но я никак не могла уловить настоящую причину своего раздражения и злости на Клима.

Просто бесит!

Вот как вспомню его холёное лицо с лёгкой небритостью и полуулыбкой, так и тянет расцарапать мужские серые глаза. Век бы его не видеть!

Сгоняла на тренировку, но даже Дмитрий с его шуточками не помог разрядить ситуацию.

Я лишь сильнее убедилась, что все мужики – козлы и бабники. И нет среди них нормальных принцев. То копыта вместо мозгов, то свекровь-вампирша, то автокредит вместо белого коня.

Воскресенье вообще провела в жуткой депрессии: металась по квартире, не зная, за что взяться. И убраться надо, но не хочется. И маникюр сделать, но мастер до сих пор в отпуске. Так и бродила из комнаты в комнату.

⁵ Сортировочная – самая адская станция электричек в Санкт-Петербурге.

⁶ Шушары – это вообще за кольцевой! Ж*па мира, одним словом.

Квартира у меня небольшая. Одна комната, одна кухня, один туалет, одна ванная, коридор тоже один. Балкон один...

– Фео, вы зачем список вещей моих составили?! – пробежалась я по списку из-за спины домового. Нахмурилась, там ещё и сумма стояла в графе «Оценка».

– Инвентаризация имущества. А то вдруг ты умрёшь, а завещания не оставишь.

– Феофан, мать ваша кошара!

Домовой очень скрупулёзно подходил к быту, устроился, как ему удобнее. Кухню он обставил по своему вкусу, не дав мне даже скатерть купить. Шкафчики из массива дуба стояли как три новые квартиры, но Феофан настаивал, что это самая главная часть дома и экономить на сердце своего жилища нельзя. Поэтому у нас и занавесочки ручной вышивки, и полотенчики вафельные с изображением счастливых овощей / фруктов. Я только посуду отстоять смогла. Есть из деревянной – спорное удовольствие.

Мама рассказывала, что у моей бабушки были похожие вкусы. Но это потому что бабка, как и я, была видящей и слушалась советов Феофана, а мама домового не замечала и принимала только некоторые из его советов, что сумели пробиться к ней.

На фоне тяжёлого деревянного стола и стульев выделялись современный синий диван и плазменный телевизор. Против некоторых изобретений прогрессивного общества Феофан был не против. Особенно он уважал зарубежные комедийные сериалы и отечественный КВН.

Если кухня являлась территорией домового, то моей комнатой была спальня. В двенадцати квадратных метрах я смогла уместить следующее: огромный шкаф, кровать с поднимающимся дном, узкий икеевский столик, компьютерное кресло, которое честно украла, позавидовала с офисной помойки, и ноутбук. Кресло списали в прошлом году и выкинули за ненадобностью. А мне выдали новенькое пластиковое, что было жутко неудобным и твёрдым. Я не смогла пережить потери старого друга и несколько часов пыталась айтишника на тему: куда пропало любимое рабочее кресло? Парень раскололся на третьем часу допроса и даже помог затолкать огромное серое мягкое сиденье в машину. Жаль, он не додумался доехать со мной до дома и помочь дотащить кресло до квартиры. Я потом очень искренне вспоминала недогадливого айтишника и свою неуёмную жадность.

С тех пор кресло стало самым уютным местом в доме.

А Феофан начал к нему немного ревновать. И кажется, будь он настоящим котом, то непременно бы туда нагадил. Как же приятно, что со мной живёт не кот, а ворчливый бородастый старичок!

– Вась, я тебе сколько раз говорил: давай нормального мужика заведём! А ты мне какую-то дрянь притащила! Так, глядишь, совсем состаримся без наследников. А на кого всё останется после твоей смерти?! – Домовой пригладил роскошные усы.

– В детский дом отдам. Тем более уже составлена опись имущества.

– Конечно! Ты ж даже о страховке не позаботилась. А вдруг пожар? Наводнение?

Я с насмешкой подхватила его перечисление:

– Землетрясение? Нашествие саранчи? Подорожание гречки?

– Гречи, необразованная ты челядь! – взвился Феофан пуще прежнего. Глазки-пуговицы зажглись праведным гневом.

– Сосисок!!! – подразнила незлобно и с улыбкой.

– Оно-оно! Вот помнится, в 1924 вода так поднялась, что затопила два этажа.

Больше всего на свете Феофан любил рассказывать истории. О своей молодости, о моей молодости, о городе и квартирах, в которых жил. Про потоп я помнила:

– В прошлый раз полтора этажа было.

– Так это в 1824-м! И я приуменьшил немного. Так вот пришлось все драгоценности продать, чтобы твои родители смогли особняк свой отремонтировать!

– Это потому что революция была, тогда всем всё пришлось продать, чтоб не отобрали.

– А вот была бы у них страховка, до сих пор жили бы в павильоне на Мойке!
– Угу, полы б там мыли. Там во времена СССР казармы сделали.
– Сключная ты баба, Василисушка, – обиженно заявил домовый.
– Волосатый вы кот, Феофан.
– Мороженое и сериальчик?
– Не хочу!
– А какие именно не хочешь?
– Ванильное особенно не хочу и про докторов сериал совсем не хочу,. – Губы сами растянулись в улыбке.

Зашуршала упаковка. Одеяло укутало с головы до ног. Махровые носочки сами натянулись на ноги.

Трубка легла в ладонь. Позвонила маме, успокоилась.

Плюс домового в доме: он умеет создать уют.

Так и потекли мои будни дальше, без навязчивых ментов и стрессов будничных.

Через пару недель Дизверко напомнил про задание заглянуть к Чижику-Пыжику.

Пришлось тащиться к Лебяжьей канавке, выпрашивать сап⁷ и грести к Чижику за пода-
нием.

В дневное время на сапах по каналам не плавали, опасное это дело. Катера поднимают волны, и доска легко переворачивается, окуная нерадивого пловца с головой в воду. Тем более никто не катается в погоду +9 градусов и под затянутым тучами небом.

Никто, кроме сотрудников СМАК.

Монетки Чижики-Пыжики мы забираем не просто так. Туристы загадывают желания и бросают монетки в маленькую бронзовую птичку на стыке Фонтанки и Мойки. Есть примета: если попасть монеткой в постамент, на котором стоит Чижик-Пыжик (монетка непременно должна остаться лежать на камне), то желание обязательно сбудется. Для молодожёнов есть другое поверье: жених должен опустить привязанную на верёвке наполненную рюмку к памятнику и чокнуться с клювом чижики, не разбив её. Это залог счастья для молодой семьи.

Чижик на такое отношение немного обижается, но вообще он птичка отходчивая.

А заговоренные чужими желаниями монетки обладают удивительной защитной силой от потусторонних существ. И за лето их надо напоянить столько, чтоб на всю зиму хватило!

– Чижик-пыжик, где ты был?

На Фонтанке водку пил.

Выпил рюмку, выпил две —

Зашумело в голове, – пропела я, мерно загребая веслом, увернулась от двух катеров с туристами и подплыла вплотную к стене канала, на которой находился памятник.

Как была в костюме «юбка / пиджак», так и плыла. Домой ехать, чтобы переодеться, не стала. Только кроссовки переобула найковские. Девушка на шпильках на сапе – это совсем странно, наверное. А так ничего, плывём-гребём.

Суть заключается в том, что нужные нам монеты лежат на постаменте Чижики, а мне до него не добраться. Птичка должна скинуть желаемое вниз.

Конечно, безопаснее заниматься таким ночью, чтобы простые прохожие не заметили подозрительного шевеления бронзовой птички, но по ночам работники СМАК отказываются работать даже за двойной тариф.

Поэтому я воровато огляделась и пшикнула:

– Пшшш, привет, Чижик-Пыжик, позолоти ручку, касатик.

⁷ Доска для плавания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.